

Антон Сорокко

APROSITUS

[НЕНАЙДЕННЫЙ]

12+

Антон Сорокко
APROSITUS. Ненайденный

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Сорокко А.

APROSITUS. Ненайденный / А. Сорокко — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

Современный человек даже не предполагает, что в его жизни могут произойти какие-то экстраординарные события. Он едет в отпуск, не подозревая, что буквально за стеклом его авиалайнера могут скрываться вселенские тайны. И уж точно не допускает мысли, что сам может стать участником захватывающего приключения. Роман Aprositus – это водоворот событий до последней страницы, хитроумная головоломка, разгадывать которую вы будете вместе с главными героями, таинственная легенда, волнующая пытливые умы вот уже более пятисот лет и обретающая в романе неожиданное объяснение! И конечно, это увлекательный водитель по Тенерифе, после прочтения которого вам очень захочется отправиться на Канарские острова. Автор с 1999 живет в Испании. Он описывает места и события, известные только местным жителям, о которых не прочтешь в официальных путеводителях. Роман переведен на испанский и английский языки. Рекомендован для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Посвящается маме

Глава 1

До посадки в аэропорту Тенерифе оставалось полтора часа. Герман сидел в мягком кресле «боинга 747», откинув голову на подголовник и глядя в чуть подернутое изморозью двойное стекло иллюминатора. На коленях лежал законченный перевод новейшего американского бестселлера, который он только что сдал издателям.

Герман был профессиональным переводчиком и владельцем переводческой фирмы. Фирма специализировалась на художественных текстах и была завалена заказами издательств на перевод разношерстной беллетристики вроде женских романов, детективов, сборников кулинарных рецептов и пособий по воспитанию детей. Поставив бизнес на ноги, сам Герман пару лет назад отошел от переводов как таковых, набрал когорту молодых лингвистических талантов и сейчас занимался генеральным редактированием, переговорами с издательствами и финансовыми расчетами с авторами и агентами.

Закончив переводить последний в этом году роман, он ехал на отдых. Его любимый московский аэропорт Домодедово остался далеко позади, точно так же, как мысли о делах, вытесненные ленивым созерцанием проплывающего внизу пейзажа.

Сейчас самолет летел над Африкой, где-то над южным Марокко, оставляя внизу километры коричневых безжизненных холмов и равнин, выжженных тысячелетиями сахарского пекла. Вид страны с воздуха действительно удручал: среди желтых просторов текли узенькие ниточки коричневых рек, за исключением каких-то скудных плантаций, признаков зелени не было видно вообще, изредка попадались стиснутые пыльными холмами селения – крошечные, с едва различимыми глинобитными хижинами и плоскими южными крышами. Удивляло то, что даже береговая линия в Марокко была практически не заселена, по крайней мере, так казалось с воздуха.

– Ужас какой! – Герман вздрогнул от неожиданно раздавшегося над ухом голоса. – Никогда туда не поеду!

Через его плечо в иллюминатор заглядывал необъятных размеров сосед. Всю дорогу от Москвы тот спал, не проснувшись даже на самолетный обед, потому Герман о нём почти забыл.

На вид соседу было лет сорок. В его широченных плечах угадывалась отличная в прошлом физическая форма, утерянная, скорее всего, совсем недавно. Здоровяк либо забросил тренировки, либо ушел из большого спорта, и оттого располнел. Рукава футболки растягивали мощные бицепсы, а шея, застывшая в тот момент у Германа прямо перед носом, напоминала размерами фонарный столб. Монументальную конституцию дополнял волевой профиль с квадратным подбородком, прямым, почти римским носом и большое мясистое ухо.

Античные черты соседа разбавляли разве что рыжие вихры, торчавшие в разные стороны, и, наверное, в детстве доставлявшие своему хозяину немало хлопот. Сейчас подобная несуразная прическа могла быть сознательно созданным беспорядком, любимым в последнее время у модных столичных парикмахеров. Герману всегда imponировали рыжеволосые люди: в дворовых детских компаниях рыжие друзья, по общему мнению, приносили удачу.

Сосед был чисто выбрит и пах хорошим одеколоном вперемежку с каким-то дорогим спиртным. Взгляд его был абсолютно трезвым и Герман заключил, что после посещения дьюти-фри в аэропорту, здоровяк пришел в норму.

Ничуть не смущаясь стеснённого положения Германа, поневоле вжавшегося в тесноту своего кресла, необъятный сосед указывал пальцем на горизонт, где виднелись вершины далёких заснеженных гор.

– Видите горы? – не глядя на Германа, спросил он. – Атласский хребет. Говорят, дал начало Канарам. Один мой знакомый француз как-то рассказывал, что в Марокко есть два

знаменитых горнолыжных курорта. Никогда ему не верил. А, видимо, и правда есть: все вершины в снегу. Не врал мне мусью...

– Уважаемые пассажиры, – донеслось тем временем из динамика над головой. – Говорит капитан корабля. Наш самолет летит на высоте 10.500 метров со скоростью 950 километров в час. Температура за бортом – минус 52 градуса. Мы приближаемся к Канарским островам. С правой стороны пролетаем портовый город Агадир в Марокко и выходим в Атлантический океан. Наш маршрут пройдет над островами Лансароте, Фуэртевентура и Гран Канария. Ориентировочное время прибытия на Тенерифе – 19 часов 20 минут местного времени. Напоминаем вам, что разница во времени с Москвой – три часа. Погода в аэропорту Рейна София на Тенерифе безоблачная, температура – плюс 25 градусов Цельсия.

– Прохладно для августа, – услышал Герман реплику кого-то из пассажиров сзади.

– В аэропорту у них всегда холодно, – прокомментировал Герману толстый сосед. – Хотя находится и на юге острова, но там всегда ветра, то-сё. До Лас Америкаса доедем, там тридцать градусов точно будет.

– А вы уже бывали на Тенерифе? – вежливо поинтересовался Герман.

Сосед, наконец, откинулся в своё кресло и впервые посмотрел Герману в глаза. Глаза у него были смешливыми, с чёртиками, но смотрели внимательно. От уголков губ кверху поднимались морщинки, легко складывавшиеся в приветливую улыбку. Здоровяк производил впечатление человека весёлого и лёгкого, что, в общем, достаточно типично для полных людей.

– Да, был, раз семь. Люблю я Тенерифе. Каждый год езжу. А температура так отличается, потому что у них каждые десять километров – новая климатическая зона. Остров крошечный, две тысячи квадратных километров, но как материк в миниатюре: высота постоянно меняется, влажность разная, поэтому здесь дождь, а там солнце, и всё в пяти минутах езды на машине.

– Да, интересно, я тоже что-то читал об этом.

В купленном перед поездкой путеводителе Герман действительно читал, что на Тенерифе существуют четыре климатических пояса и двадцать восемь климатических зон, и что главное отличие климата – между севером и югом острова. Север полностью покрыт тропической зеленью, а на юге не растёт ничего, кроме кактусов.

– Если поедете на север острова, берите куртку, – продолжал толстяк, наставительно подняв указательный палец. – И зонтик. Мы, как ни заезжали – каждый раз сюрприз: или холодище, или дождина льёт! Причём на юге-то в это время солнце во всю, тридцать градусов, то-сё, а на севере тучи и дождь! Как мне объяснили, это всё из-за вулкана.

– То есть? – не понял Герман.

– Тучи на Канары идут с Европы, то есть с севера. Дойдя до вулкана, за него цепляются. И все дожди выливаются на севере. Поэтому на севере дождь – чуть не каждый третий день, а на юге – тридцать дождей в год и всё. Ну и растительность поэтому соответствующая: в Лас Америкасе одни бананы, да кактусы, выше к вулкану – эвкалипты и сосновые леса, как у нас в России, а на севере – настоящие тропики: папайя, манго, авокадо, то-сё.

– Бананы? – об этом Герман не слышал.

– Один процент мирового урожая на Тенерифе собирают! – по-деловому подмигнул толстяк. И улыбнулся. – Но кро-о-шечные. – Он оттопырил большой палец и мизинец на своей широченной ладони. Размер местных бананов в исполнении громадной ладони показался Герману далеко не крошечным. – Какой-то индокитайский сорт, говорят.

– Надо попробовать.

– Обязательно попробуй! – сразу одобрил сосед, незаметно перейдя на «ты» и выживая из кармана впереди стоящего кресла металлическую фляжку. – Ты откуда будешь?

– Из Москвы.

– И я из Москвы.

– А на Тенерифе где останавливаешься?

– В Лос Гигантесе, – ответил Герман. – Это где-то на юге.

– Знаю такой город, как же. Минут двадцать от Лас Америкаса. Там ещё эти знаменитые скалы отвесные, чуть ли не Восьмое Чудо Света, и пляжи черного цвета с вулканическим песком. Были мы там, – Здоровяк отвинтил крышку на фляжке и призывно кивнул. – Ну что, за знакомство?

– Да я не пью, – примирительно улыбнулся Герман.

Раньше признаваться в том, что он не пьёт, Герману было как-то неудобно: известно, как в России относятся к тем, кто спиртного не употребляет. Потом отказываться от приглашений опрокинуть по стаканчику он привык, и иногда даже стал преподносить это, как одно из своих достоинств. Тем не менее, после его отказа обычно звучала одна из двух банальных фраз: «Что так, болеешь чем?», либо «И не куришь, поди?». На последний вопрос Герман всегда дружелюбно кивал и, смеясь, отвечал: «Такой я весь положительный, аж самому противно!» Как правило, отношения с приглашающим после этого сразу восстанавливались. Но сегодняшний его здоровяк-сосед оказался оригинальней.

– Молодец, – уважительно, хотя и слегка непонимающе взглянув на Германа, сказал он. – А я вот пью.

И он с удовольствием вылил себе в рот какую-то темноватую жидкость. Герман уловил знакомый коньячный аромат.

– «Мартель VSOP», мой любимый. Всегда в дьюти-фри им запасуюсь.

– Хороший коньяк. Я тоже его раньше любил. Его и «хеннеси».

– «Хеннеси» тоже ничего, но я – только «мартель» и только «VSOP». Ни «ХО», ни «VS», именно «VSOP»! – Довольно крякнув, он проглотил ещё одну ароматную порцию любимого напитка, аккуратно завернул крышечку и протянул Герману свою огромную ладонь. – Меня Андреем зовут.

– Герман, – представился Герман. – Будем знакомы.

– Герман? – обрадовался здоровяк, не выпуская руку Германа из своей ладони. Рукопожатие у него было крепким и теплым. – У меня двоюродного брата Герой зовут!

Видно было, что точки соприкосновения с любым собеседником Андрей находил играючи. Он, наконец, разжал свою руку и поудобней развернулся к Герману.

– Так, а ты чего на Канары один летишь? На Канары надо с дамой ехать, то-сё, – игриво подмигнув, он кивнул головой в сторону спящей справа от него девушки. – Ну, или с женой, на худой конец.

Он засмеялся. Шутка не показалась Герману достаточно удачной, но обсуждать семейные ценности было некстати и лень.

– Жена не смогла поехать, – ответил он. – У неё работа. Да и старшая дочь на лето в Англию едет английский изучать. Жена с ней уезжает, так что на Тенерифе вместе поехать не получилось.

– А, вон что, – Здоровяк сделал серьёзное лицо. – Ну, может, оно и к лучшему. Сможешь познакомиться с какой-нибудь Кармен или Люсией. Ну, или, не дай Бог, с её доном Педро.

И он снова захохотал. Смех у Андрея был сиплый и неслышный, как у астматика. При этом смеялся он заразительно. Лишний раз Герман убеждался в том, что все толстяки – люди весёлые, причём, чем человек тучнее, тем добродушнее. На сомнительные шутки обижаться не хотелось, и Герман дружелюбно улыбнулся в ответ.

– Да нет, вы знаете, мне тут романов никаких не надо.

– Да Бог с ними с женщинами, Гера, забудь про них на недельку, – не замечая Германа «вы», примирительно улыбнулся здоровяк. – Ты самое главное, знаешь, что сделай?

– Что?

– На вулкан поднимись!

– На Тейде?

– Я тебе обещаю: не пожалеешь! Высота – 3.718 метров! Весь остров – как на ладони!

– А вы поднимались? – Герману не нравились экстремальные развлечения, но в меру экстремальные он иногда себе позволял, поэтому на tenerifский вулкан подняться как раз планировал.

– Было дело, хотя до кратера не дошел. Но в этот раз не полезу: во мне весу сто двадцать кило! Какой там вулкан! Да и деньги платить надо – двадцать евро, билетик в оба конца. В один конец не продают! – заразительно засмеялся он.

– Обязательно туда заберусь, – уверенно сказал Герман.

В тот момент он ещё не знал, что подниматься на самую высокую точку Испании, в кратер вулкана Тейде, ему действительно придётся, причем, совсем скоро.

Глава 2

Монах Брендан поднялся до зари. По его убеждению, так он делал всегда, с первого дня своей жизни. Он вставал затемно, чтобы встретить рассвет и произнести первую на тот день молитву. Глядя на светлеющую линию горизонта, он ждал самый первый, крохотный луч солнца, который нарождался неожиданно, затем стремительно расширялся, отвоёвывая у темноты всё новые и новые просторы, заливая светом округу и, наконец, превращался в ослепительно яркий, розовый в утренней дымке круг.

С таким же первым лучом солнца Брендан родился на свет. Двадцать восемь зим назад на восходе солнца в приземистой, выложенной из серых обточенных камней лачужке бедняка Финнлуга родился четвёртый ребёнок. Финнлуг и его жена были обычными ирландскими крестьянами, промышлявшими ловлей лосося, и никогда в жизни не покидавшими родного Трейли. Их небольшая деревушка, окружённая рвом и частоколом для защиты от ночных разбойников, огласилась первым воплем новорожденного, который кричал так пронзительно, что поднял на ноги всю округу и всполошил коров, мирно дремавших здесь же за частоколом.

– Он будет певцом или проповедником, – сказал тогда аббат Джарлат.

Когда Брендану не исполнилось и года, родители отдали его в монастырь в Кайлиди, к настоятельнице Святой Ите, которая с тех пор стала ему матерью и кормилицей. Монастырь стоял на высокой горе и по утрам Святая Ита уводила его на вершину, где они встречали солнце и совершали утренние молитвы. Брендан смотрел вокруг и думал о том, что лежало там, за горизонтом? Какие неведомые дали? Какие неизвестные города? Какие незнакомые люди? Тогда и появилась у него мечта однажды утром облачиться в дорожный балахон, собрать походный мешок, положить в него библию, грубого помола круглый хлеб, бутылку с монастырским пивом и пуститься в путь.

Сегодняшнее утро, забиравшееся утренней морской прохладой под согретый телом влажный балахон, вдруг напомнило ему те рассветы из детства. Совсем как тогда, небо было чистым и безоблачным и казалось, ещё немного, и Брендан увидит ангелов в этих нежно-голубых небесных просторах.

Монах сложил вместе сухие, холодные от ночной прохлады ладони перед грудью, упёрся безымянными пальцами в кончик своего носа, как он обыкновенно делал, поднял глаза навстречу солнцу и начал молиться.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

На другом конце света, в далёкой теперь Ирландии, в этот утренний час за него, должно быть, молился и аббат Джарлат. В день, когда Брендан покинул Святую Иту и приехал в школу монахов Джарлата, он отправился осматривать окрестности. Он вышел к морю и побрёл вдоль скал, отважно нависавших над берегом. Один из утёсов показался ему настолько своим и знакомым, что Брендан подумал, будто бывал здесь множество раз. Возможно, он видел его во сне. На этом утёсе он устроил себе укрытие.

Брендан стал часто приходить туда. Целыми днями он сидел наверху и смотрел на воду. Он смотрел на воду так долго, что сам становился водой. Он плыл над водой, словно облако и видел себя, сидящего в сером монашеском балахоне на уступе, видел свой монастырь и аббата. Он улыбался себе, маленькому человеку, накрытому, как колпаком, копной рыжих волос, с узкими плечами и включенной бородой. Его улыбка обнаруживала рот с таким количеством зубов, что аббат иной раз шутил: «Они мешают ему говорить». Поэтому Брендан улыбался мало. Короткие ноги и большая голова делали его похожим на скирду сена. А на босых, изрезанных острыми камнями ступнях, можно было читать карты пройденных им троп и дорог.

Брендан быстро научился различать волны. Некоторые были похожи на молодых барашков, мирно пасшихся у берега. Другие были дозорными, проверяя побережье перед приходом

большой широкой волны. Третьи были темны и свирепы, обрушиваясь на скалы всей своей мощью и обдавая Брендана тысячей соленых брызг. Тогда Брендан прятал саднящие от порезов ступни под себя.

В одно из своих путешествий над волнами он увидел на горизонте землю. Под прозрачными облаками возвышался остров, красота которого заставила замереть его сердце. Он знал – это был Тир-на-н-Ог. Земля Обетованная. Остров Всех Святых. Земля, где не было смерти, где все были молоды и совершенны, где цвели прекрасные сады, в лесах текли чистые реки и водопады, на лугах благоухали экзотическими ароматами цветы, а люди были добры и чисты. В римских писаниях, которые они изучали в монастырской школе, Тир-на-н-Ог называли Елисейскими Полями: здесь пребывали души усопших праведников. Здесь должен был теперь жить и сам Святой Патрик.

Брендан увидел Святую Землю лишь на мгновение. Тогда то, ещё не отойдя от восхитившего его видения, он поклялся Господу, что отыщет эту чудесную землю. Он избородит семь морей и семь океанов, он будет плыть до тех пор, пока ветра не перестанут наполнять силой его паруса, пока волны не устанут гнать его лодку вперёд, он будет искать Тир-на-н-Ог пока силы не оставят его самого.

И вот он в пути. Из ученика-монаха Брендан скоро превратился в священника, он обратил в христианскую веру десятки людей, он творил чудеса в своей земле, он прославился за её пределами, он обрёл сподвижников, решивших испытать судьбу и отправиться на поиски Святой Земли вместе с ним. Они построили прочную большую лодку и сегодня встречают новый рассвет на открытом всем ветрам морском просторе.

Вот уже год Брендан и ещё семнадцать монахов плыли на юго-запад в поисках Святой Земли. Позади остались берега Ирландии, поселения галлов и высокогорные владения басконцев. День сменялся днём, волна сменялась новой волной, попутный ветер – мёртвым штилем. Цвет воды за бортом от недели к неделе светлел, от мрачного и темного становясь светло-голубым или нежно-зелёным. Однажды они проплывали через море водорослей, растущих столь густо, что казалось, выйди из лодки – и сможешь пройти по ним, как по земле. В другой раз их несколько дней сопровождали дельфины, плывшие так близко от борта, что монахи гладили животных рукой. Каждая следующая ночь была теплее предыдущей, а холод уже не доставлял таких неприятностей, как в первые месяцы плавания.

Они видели острова. Они причаливали к их неизвестным берегам, чтобы пополнить истощавшиеся запасы продовольствия. Вороны, которых они взяли с собой, сидели в клетке под мачтой и, учуяв землю, взлетали в небо. Они кружили над парусом и летели к берегу, указывая Брендану путь. Мешки с взятой из дома вяленой рыбой, орехами, диким чесноком, луком и плоскими овсяными лепешками, давно опустели и сейчас монахи питались съедобными кореньями, ягодами и фруктовыми плодами, что собирали на островах. Они пили воду из пресных ручьёв. Один Бог ведал, сколько дней им придётся плыть до тех пор, пока они наткнутся на новый берег. Запасов иногда приходилось набирать столько, что на лодке почти не оставалось свободного места.

Брендан любил свою лодку. Они строили её тридцать дней, стругая деревянный остов, связывая лодочные «рёбра» жгутами, вымачивая куски телячьей кожи в густом пахучем отваре из коры дуба, промазывая их топлёным овечьим салом и высушивая на солнце. После их сшивали вместе, тщательно заделывая и промасливая швы, а затем натягивали кожу на деревянный лодочный скелет. Такие лодки у них в Ирландии называли «курраг» и его курраг был самым большим, который Брендану до сих пор доводилось строить.

Строили курраг так, чтобы тот смог вместить две дюжины душ и вдобавок запасы провианта и воды. Под обеими мачтами были устроены навесы и лежанки, где сейчас мирно дремали изможденные нелёгким походом монахи. Некоторые спали сидя, прочие – лежа своей

головой к чужим ногам. Спальных мест на всех едва хватало и Брендан каждую ночь выстав- лял дозорного.

Сегодня ночью в дозоре стоял Кросан, который только что отправился спать. Лишь кос- нувшись головой одного из мешков, то ли с вяленой рыбой, то ли с вином для месс, Кросан мгновенно уснул, сморённый усталостью, качкой и чернотой беззвёздного неба.

В этот ранний час Брендан как всегда был один, наедине с бескрайним горизонтом, наедине с рождением солнца, наедине с черными волнами никем неизведанного моря. Шелест волн нарушали только хлопки белых парусов, развевавшихся на ветру и являвших миру крас- ный круг, заключавший в себе крест – символ их ордена и их религии.

По обыкновению подобрал под себя ноги, Брендан устроился под мачтой и достал из-за пазухи исписанные мелкими буквами куски тонкой телячьей кожи. На этих листах он записы- вал события своего долгого путешествия. Он знал, что когда-нибудь вернётся назад. Знал, что будет рассказывать людям о Святой Земле и старался не упустить из путешествия ни одной подробности.

Лодка всегда сильно раскачивалась и Брендану с трудом удавалось выводить буквы, сохраняя равновесие лишь потому, что его бока обыкновенно подпирали расставленные повсюду мешки. Под ровными и сильными ударами волны кожаные борта лодки то раздува- лись наружу, то съёживались внутрь, размеренно дыша, точно крепко спящий человек. За год плаваний, Брендан вжился в этот ритм и за мгновение до столкновения волны с лодкой подни- мал над кожаным пергаментом перо. Буквы выходили ровными и стройными. Солёные брызги попадали на листы и Брендан прикрывал их мозолистой ладонью, огрубевшей от морской соли, вёсел и узловатых канатов.

Аккуратно разложив на коленях чистый кусок кожи, Брендан начал писать: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...»

Начинался четырнадцатый день апреля 512 года от Рождества Христова.

Глава 3

Под крылом самолёта тем временем показался какой-то остров. Он раскинулся на бескрайнем синем ковре океана большим полукругом и был испещрен холмиками затухших вулканов, темными потоками застывшей лавы и каёмкой белых песчаных пляжей.

– Это Лансароте внизу, – вытянув шею к иллюминатору, снова прокомментировал Андрей. – Был я тут. Классный остров! Пляжи – сказка, лучше, наверное, только на соседней Фуэртевентуре. Мы туда с Лансароте на пароме плавали: там совсем близко.

И, действительно, в иллюминаторе виднелась южная оконечность Лансароте, небольшой пролив и северная часть нового острова, видимо, как раз той самой Фуэртевентуры.

Было видно, как из небольшого с такой высоты прибрежного городка на Лансароте отчалил крошечный паром, направившись напрямиком к Фуэртевентуре и оставляя за собой длинную полосу белоснежной пены.

– Видишь вон там черную землю? – Андрей показал на западную часть Лансароте, где на большой черной подпалине зияло бесчисленное количество кратеров.

– Вижу.

– Это Долина двадцати восьми вулканов. В этом самом месте триста лет назад извергались вулканы. И знаешь, сколько лет извергались? Тридцать! Без шуток – тридцать лет подряд! Мне когда рассказали, я сам не поверил. Сейчас в эту долину экскурсии возят. В некоторых местах нам запрещали из автобуса выходить: говорят, на расстоянии тридцати сантиметров под землей уже лава бурлит, то сё.

– До сих пор? – засомневался Герман.

– Представь! – уверенно кивнул сосед. – Лансароте – это самый вулканически активный остров на Канарах! И самый интересный после Тенерифе, как мне кажется.

Он подмигнул проходившей мимо стюардессе.

– Нам там ресторан понравился. «Эль Диабло» называется, «дьявол» то есть. Там еду готовят на вулканическом огне, представь! Берут курицу, на шампур её, то-сё, а потом кладут на дырку в полу. И курица шипеть начинает! И чаёк тебе потом так же кипятят...

– Да, здорово.

Андрей тем временем отхлебнул из фляжки ещё.

– Хорошие девушки в этой авиакомпании работают... А вон видишь островок между Лансароте и Фуэртевентурой? – и указал на небольшой остров, мимо которого как раз проплывал лансаротский паром. – Это остров Лос Лобос. Мы тоже там были. По пути на Фуэртевентуру. На этом острове, представляешь, отшельник живет!

Увидев удивленно поднятые брови, он доверительно положил свою лапищу Герману на руку:

– Весь остров – это шесть квадратных километров. Меньше него на Канарах нет. И живет на нём один перец. Антонио эль фареро, Антонио с маяка. Раньше с семьёй жил, сейчас один остался. То ли разъехались все от него, то ли ещё что, не знаю. Живет себе, то-сё, на большие острова переезжать не собирается, сколько ему правительство не предлагает. Говорит: «Здесь, мол, я родился, здесь и помру».

– Чем же он там занимается?

– Коз разводит. Молоко доит, сыр делает козий. Сыр, кстати, вот такой вот! – Андрей оттопырил большой палец своей огромной руки. – Ещё за маяком присматривает – это единственное там каменное строение за исключением его дома. Сейчас, правда, отшельничать у него не очень получается. Постоянно туристов возят. Нас вот привозили.

Он доверительно накрыл руку Германа своей:

– Ты если соберешься, возьми с собой упаковочку пива: он страсть как пиво любит! Поменяет его тебе на сыр или на молоко. Денег-то там нет у него – натуральный обмен, – и, прыснув смешком, добавил. – Коммунизм, построенный на отдельно взятом острове.

– Почти как у Фиделя на Кубе, – отозвался Герман улыбнувшись. Ему нравился этот здоровяк: Герман любил бывалых, непоседливых и жизнерадостных людей, а Андрей, по всему получалось, как раз к такому типу и относился.

– Да, интересно. А ты много тут объездил... Ничего, что я на «ты»? – решил он сломать последний барьер на пути к завязавшемуся знакомству.

– Да, естественно, ничего, не придумывай, – отмахнулся Андрей. – Нет, не так и много я поездил. Только на этих двух островах был, да ещё на Тенерифе.

Он показал на удаляющийся берег Фуэртевентуры, вдоль которого тянулась бесконечная полоса белого пляжа.

– Здесь на Фуэртевентуре пляж есть, Сотавенто называется. Одиннадцать километров длина! Выходишь, а вокруг – ни души! И белый-белый песок вокруг!

– Здорово.

– Не то слово! Ветра только очень сильные. Горы там низкие, продувается остров всеми ветрами. Летом даже чемпионат мира по виндсерфингу устраивают, представь! Второй после французского Бьярритца по популярности.

– Да, в Бьярритце я был, – согласился Герман. – В Бьярритце самый первый чемпионат мира по серфингу проводили. Волны там действительно океанские.

– Слушай, а сколько на Фуэртевентуре коз!!! – Андрей снова заразительно засмеялся. – Больше, чем людей, это точно! Столица острова раньше называлась Порт Коз, представляешь? Так её в Порт Роз переименовали, чтоб туристов не отпугивать!

Герман тоже не смог сдержать улыбки.

– Живут в беленьких домиках: хлевом их язык не повернется назвать, по острову бродят, рай... Козий рай!

В это время самолет чуть заметно тряхнуло.

– Турбулентность, – успокоил Андрей. – Сейчас пристегиваться заставят.

И, действительно, над головой загорелась лампочка «пристегните ремни» и приятный голос одной из стюардесс произнес:

– Уважаемые пассажиры, наш самолет вошел в зону турбулентности. Пожалуйста, займите ваши места и пристегните ремни.

– Вот ты знаешь, что странно, – задумчиво сказал тем временем Андрей. – Каким-то новым маршрутом мы сегодня летим. Обычно этот чартер летит над Европой: через Женеву, Париж, Мадрид и Фаро в Португалии, а потом поворачивает на юг и летит над океаном. Сегодня, похоже, мы через Барселону летели, над Средиземным морем и потом над Африкой.

– Да, вроде так и было, командир рассказывал. – подтвердил Герман.

– Проспал я всё, короче, – недовольно буркнул толстяк, – а видимость хорошая, всю дорогу можно было в окно смотреть.

– Да, видно всё было здорово, я весь полет по карте проследил.

– Жалко, будем надеяться, что назад мы также полетим. Но вообще, маршрут необычный.

– У меня сегодня с самого утра как-то всё необычно, – отозвался Герман, но развить эту мысль не успел. Стюардесса объявляла о том, что самолёт подлетал к Тенерифе и начинал снижаться. Всех просили занять места, пристегнуться, а сумки убрать под сиденье.

– Так, компьютер я под сидение класть не буду, – сказал Андрей, и обхватил руками черную сумку с эмблемкой «тошибы». – Растрясут ещё чего.

– А зачем ноутбук с собой возишь?

– Фотки скидываю с камеры, карты тут у меня всякие, с интернета много чего скачивал, пригодится всё, а то если всё распечатывать, то бумаг на отдельный чемодан наберется. Так что с компьютером удобней.

Андреева соседка всё ещё спала.

– Подруга твоя как крепко спит.

– Да это не подруга. По крайней мере, пока, – он снова улыбнулся. – Мы на регистрации рейса вместе стояли. Я один лечу! Кстати, а её будить или нет? – Андрей задумчиво оглядел свою спутницу. – Давай-ка я её пристегну, пусть так спит. Минут десять ещё лететь, а потом к терминалу ещё рулить. – и негромким щелчком осторожно сомкнул на талии тяжелые замки самолетного ремня безопасности.

Для Германа это был последний звук его тихой и размеренной жизни.

Щелчок застегивающегося ремня совпал с оглушительным грохотом слева за бортом. Было ощущение, что от хлопка лопнут перепонки. Иллюминатор слева от него озарился ярчайшей вспышкой и самолет тряхнуло так, что с потолка отвалился плафон, а стоящую в проходе стюардессу подбросило к потолку и швырнуло на пол. Самолет как будто провалился в яму и затем вынырнул на поверхность. От скачка потемнело в глазах.

«Что это?» – пронеслось у Германа в голове.

– А-а-а-а! – закричали со всех сторон.

Не успевших пристегнуться людей выбросило из кресел, ударило о ставшие вдруг опасными углы и швырнуло вниз, где Герману их было уже не разглядеть.

– Взорвался! Двигатель горит! – кричали люди.

Людские крики не смогли перекрыть ещё один хлопок. В этот раз уже слева по борту. Этот взрыв был чуть слабее первого. Самолет ещё раз сильно тряхнуло, а затем с какой-то потусторонней силой бросило вперед и вниз. В салоне полностью погас свет, и человеческий крик превратился в жуткий вой какого-то гигантского стада животных, застигнутых врасплох и загнанных в угол каким-то чудовищным зверем.

«Не дай Бог... Не дай Бог... Не дай Бог... – единственное, что со скоростью тридцать фраз в секунду, пронеслось у Германа в мозгу. – Не дай Бог... Не дай Бог!!!!»

Вслед за тем самолет получил мощнейший пинок сзади и, заваливаясь на левый бок, начал стремительно падать вниз. Давление сдавленным желудком подступило Герману к горлу и заложило без того оглохшие уши. Из глаз полились слёзы, а в нос и рот забивался серый с пластмассовым запахом удушающий дым.

Глава 4

Дитер Ленгинг припарковал взятый на прокат «ситроен С-3» рядом с Туфелькой Королевы. Это горное образование, действительно по форме напоминавшее женскую туфлю, было одним из самых известных на вулкане Тейде и непременно привлекало к себе массу туристов.

С этого ракурса выгодно выглядел и сам вулкан, поднимавшийся перед ним величественной громадиной, с широким, непоколебимым основанием и узенькой светло-желтой треугольной вершиной – остатком наслоившейся во время последнего извержения серы.

– Фантастиш, – удовлетворенно причмокнул Ленгинг, и стал настраивать свой зеркальный полуавтоматический «кэнон».

«Хорошей камерой снимать – одно удовольствие», – думал он, устанавливая штатив и привинчивая новый фотоаппарат специальным винтом. Денег, конечно, отдал за него немало, но, учитывая цены на подобную технику дома, в Германии, а также срочную необходимость приобретения такого аппарата для предстоящей поездки, сделка казалась ему неплохой.

Фотоаппарат он купил за день до того у одного индуса, которых на Тенерифе, похоже, было не меньше, чем самих немцев. По крайней мере, все магазинчики, торгующие на острове электроникой, принадлежали индусам. Чувствовали они здесь себя превосходно: очень бойко тараторили по-испански, а в Пуэрто Крузе – настоящей немецкой столице Тенерифе – даже вели торг на сносном немецком. Видимо, для их бизнеса это было принципиально: в городе живёт сорок тысяч человек, добрая четверть которых – выходцы из немецкоязычных стран. Да и большинство туристов в Пуэрто Круз привозят сюда голубые автобусы немецких ТУИ и Неккерманн.

С одним из этих ассимилировавшихся индусов по имени Санджей, владельцем небольшого магазинчика на приморском променаде, Ленгинг вчера и торговался. Сначала его, было, смутила свастика, красовавшаяся на обложке изрисованной непонятными индийскими иероглифами бухгалтерской книги. «Санскрит?» – подумал ещё тогда Ленгинг. Но, перехватив его озабоченный взгляд, проворный индус успокаивающе заверил, что свастика – это символ солнца в его стране, так что пусть «майн фройнд» не пугается и спокойно выбирает себе фотоаппарат. Ленгинг, конечно, как любой немец или австриец, о свастике всё знал и без индуса.

Ловкий индус сбросил цену на камеру, но безбожно завышал стоимость сопутствующих аксессуаров – штатива, светофильтра, дополнительных объективов и даже сумочки. В итоге, Ленгинг выложил за комплект довольно значительную сумму. Тем не менее, он прекрасно знал, что индусы славятся лучшими продавцами в мире, поэтому в некоторой степени был даже доволен тем, что сторговал у проныры почти 300 евро.

Сегодня, накануне очень важной для него поездки, новая фотокамера должна была быть опробована в действии. Опять же день позволял: была пятница – основной день заезда на Тенерифе, так что народу по дороге на вулкан Ленгинг встретил немного: все были либо в аэропорту, либо на чемоданах в холлах гостиниц. Какое счастье, когда в кадр не лезут вездесущие англичане или вредные соотечественники. Поэтому делать фотографии сегодня было приятно: на смотровой площадке у Туфельки не было абсолютно никого.

Ленгинг поймал в объектив вулкан. На фоне безоблачного неба Тейде смотрелся бесподобно. Немец видел, как по правому склону вулкана неспешно поднимался голубой вагончик канатной дороги. Навстречу ему с верхней стоянки спускался другой. Если он правильно помнил, а в таких вещах он не ошибался никогда, в каждый вагончик помещалось тридцать пять человек. Курсировали вагончики с высоты 2.356 метров на высоту 3.555. Проезжали этот километр с небольшим всего за восемь минут, потому неспешность, с которой они двигались по склону, была, конечно же, обманчивой.

Тут чуткое ухо немца уловило какой-то шум. Шел он откуда-то сверху и напоминал отдалённые раскаты грома.

«Странно, – подумал он, – гром среди ясного неба?»

Грохот повторился. Обернувшись на звук, он увидел ужасающую картину. Над горным кряжем высоко в небе летел сияющий фюзеляжем самолет. Левое крыло самолета дымилось, и самолет оставлял за собой широкую тёмную полосу. Где-то у двигателей вырывалось пламя. Самолет явно терпел аварию.

– Катастрофе! – закричал в панике немец и лихорадочно начал доставать из кармана шортс телефон. Телефон путался в складках и никак не доставался.

Насколько мог разглядеть Ленгинг, горящий самолёт был явно пассажирским, очень похожим на «боинг», на котором два дня назад на Тенерифе прилетел он сам. Самолет крепился влево, в сторону горевшего крыла, так что скоро левое крыло немец уже не видел. Ясно было одно: в Тенерифе самолет не врежется. Его уносило в океан, в сторону соседней Ла Гомеры или Ла Пальмы – оба острова были рядом.

«Он сможет сесть на воду, – пронеслась в голове Ленгинга успокаивающая мысль. – Главное, чтобы он как можно дольше сохранял высоту и не столкнулся с островами. Вокруг вода, вода и вода, километры воды. Есть шанс, что все спасутся!»

Правой рукой он набирал на телефоне 112 – номер экстренной службы в Испании.

– Шайсе, нет покрытия, – выругался он, видя, что номер не набирается. Телефон издавал противное безнадежное пиликанье.

«Где же он упадёт, за Ла Гомерой или за Ла Пальмой? А ведь там есть ещё Эль Йерро, – вспомнил он карту Канарского архипелага, которую перед отъездом из Франкфурта выучил наизусть. – Самый западный остров. Он дальше всех. Но вроде бы он у самолёта не на пути. Да где же здесь берёт телефон?! Нужна какая-нибудь возвышенность!»

Не теряя ни секунды, Ленгинг швырнул штатив с фотокамерой на заднее сиденье машины, вскочил за руль и с прокрутом колёс вырулил со стоянки в сторону канатной дороги: там мобильный телефон должен был работать. В коричневую жестяную урну из-под «ситроена» отлетел мелкий камешек гравия, издав одинокий протяжный минорный звон.

В противоположном направлении, за следующим поворотом, зеленый полицейский «ниссан» уже сообщал по рации о терпящем бедствие пассажирском самолете.

Глава 5

После самой сильной перегрузки, когда казалось, что виски лопнут от вздувшихся вен, Андрею в голову пришла дурацкая, абсолютно несвоевременная по своей несерьёзности мысль: а не пора ли просматривать короткометражный фильм о прожитой жизни? За годы работы в спецслужбе он несколько раз сталкивался со случаями клинической смерти, происходившими то с его сослуживцами, то с людьми, которых в их кругу было принято называть «клиентами». По рассказам этих людей, в последние минуты перед смертью, человек видит самые важные моменты жизни, самые яркие воспоминания и самые сильные переживания, порой совсем неожиданные.

Андрей хотел, было, уже возмутиться такой несправедливости – «А почему мне ничего не показывают?» – как самолёт вдруг обрёл равновесие. Сильный левый крен не пропал, но летчику, изо всех сил пытавшемуся выровнять самолёт, по всей видимости, сделать это удавалось. Они не падали.

«Видимо, не помру», – сделал вывод Андрей.

Гвалт в салоне мгновенно стих и наступила полная тишина. Проход между креслами одна за другой осветили тусклые лампочки аварийного освещения. Двигатели на минуту умолкли, и в салоне был слышен лишь свист ветра за бортом. За иллюминатором, окрашивая салон всполохами красноватых оттенков, будто взятых с картин любимых его бывшей женой сюрреалистов, плясали языки пламени: горел один из двигателей на левом крыле. Однако и они через мгновение исчезли: пилот отключил горевший двигатель и перекрыл к нему доступ горючего. Левое крыло, тем не менее, сильно дымило, застилая верхнюю часть горизонта серо-черным клубящимся шлейфом. Под крылом виднелся бескрайний голубой океан, блестящий на солнце тысячей ослепительных бликов.

Его новый знакомый Герман и очнувшаяся соседка справа, с которой он так и не успел познакомиться, ни живы, ни мертвы сидели в своих креслах, испуганно озираясь по сторонам. Герман обеими руками вцепился в спинку переднего кресла. Кулаки, с торчащими костяшками побелевших от натуги пальцев, заметно дрожали. Со лба текла кровь: видимо, при одном из сильных толчков он ударился об эту самую спинку. Слипшиеся от панического пота волосы прилипли к покрасневшему лбу, а золотой крестик, выскочивший из-под расстёгнутой рубашки, лежал на плече. Сам Андрей, должно быть, выглядел не лучше. Герман с трудом отвёл голову от иллюминатора: голова его явно не слушалась.

– Что это было?

– Двигатель рвануло, – Андрей взглядом кивнул в сторону иллюминатора: шея поворачиваться отказывалась.

– И как мы сейчас сядем? – рот у Германа непроизвольно изобразил некое подобие нервной улыбки. Было видно, что он сильно напуган.

– Раз не взорвались в воздухе, то и при посадке целы будем, – такая неожиданная уверенность могла удивить кого угодно, только не Андрея.

Он не считал себя фаталистом, но если что-то происходило не так, как нужно, он всегда мысленно отмерял время, либо событие, после которого хуже быть уже не могло и с оптимизмом ждал разрешения событий в позитивную сторону. Как говорил его отец, «после худшего может наступить только улучшение». И действительно: так в его жизни получалось всегда. Всё всегда налаживалось. И после первых проваленных заданий десять лет назад, и после недавнего ухода из спецслужбы в частный бизнес, и после тяжелого развода с женой в прошлом году...

Внизу с бешеной скоростью проносились пенящиеся барашки. Их было совсем немного: на Атлантике стоял штиль. Через иллюминатор было видно, что самолёт подлетал к круглому по форме острову, на вершине которого темнели какие-то густые заросли. Обращенная к само-

лёту сторона острова была исчерчена продольными ущельями давно утихших извержений. На склонах ущелий можно было различить многочисленные террасы, засаженные не то виноградниками, не то каким-то развесистыми светло-зелеными кустами. Ещё виднелись белые стены редких, затерянных в зелени домов.

«Ла Гомера», – заключил про себя Андрей. На этом острове он был, ещё в первый свой приезд на Канары, ещё с женой. Его отменная фотографическая память исключала вероятность ошибки на девяносто девять процентов. «Это у меня профессиональное», – любил говорить он.

Было очевидно, что на Ла Гомере их «боинг» приземлиться не сможет: скорость была слишком высока, места для маневра практически не оставалось, а сам ландшафт острова не предоставлял ни малейшей возможности отыскать ровную, пригодную для посадки поверхность. Хотя, насколько помнил Андрей, аэропорт на Ла Гомере был: аэропорты были на всех семи Канарских островах.

Летчик направлял аварийный самолет *за* остров.

– Там справа остров! – закричали пассажиры с правого ряда кресел. – Двугорбый остров!

– Это Ла Пальма, – уже вслух сказал Андрей, но, скорее всего, его слышал только сосед Герман.

Со своего места увидеть остров Ла Пальма, если это действительно был он, ни Андрей, ни Герман не могли: правый ряд иллюминаторов заслоняли головы пассажиров, вытягивавших шеи в попытках разглядеть клочок спасительной земли и отыскать не нём взлётную полосу. В самолёте снова стало шумно: люди начали обсуждать возможность аварийной посадки на Ла Пальме. Кто-то плакал, где-то раздавались короткие нервические смешки – всё-таки, чувство юмора – это, действительно, лучшее средство от стресса. Сидевшие у проходов пассажиры, поднимали с пола упавших и пострадавших от ушибов соседей. Кажется, обошлось без членовредительства и переломов. Выражение испуга постепенно сходило с лиц, однако чувство беспокойство у пассажиров не пропадало. Впереди была посадка.

– Раз не взорвались в воздухе, значит, и сядем нормально, – как можно уверенней и громче повторил Андрей, пытаясь говорить в сторону салона, так чтобы его услышало как можно больше людей.

– Да, да, – подхватили со всех сторон.

Пессимистов в салоне было меньше. К ним Андрей отнёс всех, кто в тот момент промолчал.

– Мне бы твою уверенность, – негромко сказала соседка, поцеловав спасительный крестик, крепко зажатый в маленькой мокрой руке.

– Не переживай, родная, всё будет нормально! – ободрил её Андрей и похлопал по её стиснутым в замок рукам.

Ожил динамик.

– Уважаемые пассажиры, говорит командир корабля Владимир Пелешин, – голос его звучал уверенно и спокойно, прогоняя из-под солнечного сплетения пассажиров остатки минутной душевной слабости. – На нашем самолете произошел самопроизвольный взрыв двигателя. Сейчас управление самолётом взято под контроль. У нас работает два двигателя, этого достаточно, чтобы совершить посадку.

За секунду вздох облегчения и восторга облетел весь салон. Повеселевший Герман ткнул Андрея в бок и облегченно провёл рукой по лицу, смахнул со лба влагу. Он, как и все остальные пассажиры, не отрывал глаз от динамиков.

«Интересный малый, – подумал про него Андрей. – Выглядит молодо, а лет, наверное, немало. Из-за того, что худой молодым кажется. Если бы я скинул килограмм двадцать, тоже бы на вид лет десять сбросил». Хотя, в свои тридцать восемь Андрей возраста не ощущал. Он перестал его ощущать где-то после тридцати, будто остановился в душевном развитии на самом комфортном для себя этапе.

– Аэродромы малых Канарских островов не предназначены для посадки тяжелых самолётов, – продолжал тем временем командир корабля. – Приземляться там рискованно. Для возвращения в аэропорты Тенерифе или Гран Канарии нам не хватит запаса высоты и маневренности. Наш экипаж принял решение садиться на воду.

Последняя фраза на мгновение ледяными тисками сжала Андрею сердце. Желудок мгновенно ушёл куда-то вниз и стал каменным. Такое развитие событий даже для повидавшего многое Андрея было в новинку. Салон оцепенел.

– Фюзеляж «боинга» – идеальная конструкция для посадки на воду, – успокаивал командир Пелешин. – Нестандартные ситуации, вроде посадки на воду, предусматриваются ещё на стадии проектирования и разработки самолётов. Садиться на воду намного безопасней посадки на землю. Поэтому я прошу вас о главном: сохраняйте спокойствие. Ничего не бойтесь. Мы просим убрать лишние предметы и сумки под кресла и надеть спасательные жилеты. Жилеты находятся под вашими креслами. Не надувайте жилеты в салоне. Наденьте жилеты, пристегнитесь ремнями и наклонитесь вперед. В карманах впереди стоящих кресел каждый из вас найдет схему, на которой обозначено положение тела при аварийной посадке. Действуйте спокойно и без паники. До посадки у нас есть три – четыре минуты. Ещё раз повторяю: ничего не бойтесь. После посадки просьба оставаться на своих местах. Бортпроводники откроют аварийные люки, и мы спустимся на воду. Сообщение об аварийной посадке уже передано всем наземным службам. Спасатели знают точное место посадки. Мы все будем спасены, – он помолчал. – Ну, с Богом!

Микрофон отключился. Андрей и Герман одновременно перекрестились, точно так же, как все остальные триста пассажиров самолёта, и стали торопливо, стараясь не суетиться, доставать из-под кресел оранжевые спасательные жилеты. Было видно, что командиру Владимиру Пелешину поверили. Андрей ему тоже верил. Стюардессы что-то быстро объясняли пассажирам и помогали надевать жилеты.

Вода приближалась. Редкие белые барашки становились всё больше и больше, всё заметней и ближе. Пассажиры нервно проверяли ремни на жилетах, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то громко уговаривал соседей не бояться, кто-то тихо молился. Андрей вжался в своё кресло, не зная, будет лучше сгруппироваться или расслабиться. Заглянув в бледное лицо Германа и своей соседки, он молча пожал им руки и, как просил командир, наклонился вперед. В иллюминаторе над головой Германа были видны несущиеся навстречу самолёту океанские волны.

Обычно во время посадки Андрей всегда следил за плавным снижением самолёта, не отрывая глаз от приближающейся земли, будто её гипнотизируя. Хотя, скорее, именно земля гипнотизирует пассажира во время снижения. В последние секунды перед посадкой Андрей попадал в какое-то необъяснимое состояние, в момент неизвестности, в котором перемешиваются и ужас, и безысходность, и ощущение своего бессилия и безволия, и невозможность контролировать ситуацию, но, вместе с тем, и надежда, и уверенность в профессионализме лётчиков, в надёжности техники, в сознании того, что лётчик уже тысячу раз сажал свой самолёт, что всё будет хорошо, и сладость предвкушения аплодисментов пассажиров, и выход в зал прилёта и радость правоты в том, что всё закончилось хорошо, именно, как ты и думал. А по-другому и быть не могло.

Сейчас смотреть на приближающийся океан Андрей не хотел. В те последние мгновения, когда до воды, казалось, можно было дотянуться рукой, Андрей отвёл от иллюминатора взгляд, представив перед собой обычную взлётную полосу, и стал ждать касания.

Удар был сильным. Самолёт бухнулся в воду, подняв целый столб воды и залив голубым светом иллюминатор снаружи. Фюзеляж накренился влево. Андрею показалось, что ещё секунда, и они перевернутся на бок, а затем вниз головой, но самолёт подбросило вверх, будто он подпрыгнул на упругой морской волне. Следующий удар был сильнее предыдущего. Было

ощущение, что самолёт пробил носом бетонную стену: пассажиров с нечеловеческой силой бросило вперёд, и Андрей подумал, что пристёгивавший его ремень продавит ему живот до позвоночника. В следующий момент его отбросило назад, ударив затылком о спинку кресла и чуть не сломав шею, в спине что-то хрустнуло, а поясницу пронзила острая боль. Видимо, самолётные ремни с трудом удерживали его грузное тело. Ударившись левой щекой о соседнее кресло и взыв от боли, он успел увидеть в иллюминатор отрывающееся левое крыло самолета и услышал страшный скрежет лопающихся переборок и креплений обшивки. Сзади вдруг стало светло.

«Либо пробоина, либо у самолёта оторвало хвост.» – пронеслось у Андрея в мозгу.

Обернуться и посмотреть на внезапный источник света Андрею уже не удалось: его взгляд был прикован к голубому пенящемуся столбу воды. Он нёсся на них с бешеной скоростью из первого салона, заполнял собой всё пространство самолёта, подобно дождевой воде, заливающей водосточную трубу во время летнего ливня. Гул и звон в ушах прекратились. Через миллисекунду вода накрыла Андрея, унося за собой его угасающее сознание.

Глава 6

Замредактора и диктор Канарского телеканала «Канал Асуль» Кармен Наварро Родригес сломя голову мчалась в студию. Движение на бульваре генерала Франко в столице было хуже, чем обычно – пятница, конец рабочего дня – и правый ряд узенькой проезжей части превратился в сплошную непроходимую пробку. Кармен ещё раз порадовалась тому, что два месяца назад сменила свой издававший виды «фольксваген» на мотоцикл «бмв», больше подходящий замредактору самого влиятельного тенерифского телеканала. Студия была уже рядом, на поясе непрерывно вибрировал мобильный телефон, но ответить на него в дороге не было никакой возможности. Кармен очень спешила.

Ей домой позвонил главный редактор, оторвав от перепалки с мужем по поводу развлекательной программы на предстоящие выходные, и сказал только одну фразу: «Включи наш канал». Кармен, зажав под мышкой трубку мобильного, держа в одной руке недочищенное яблоко и нож, всё ещё ругаясь и злясь на мужа, но уже не так громогласно как минуту назад, боком вошла в гостиную и большим пальцем ноги нажала лежащий на пушистом ковре пульт.

На экране показывали дрейфующий на воде самолёт с отвалившимся хвостом и отломившимся на одну треть длины левым крылом. Снимали с воздуха. Над распростёртым на воде самолетом кружило два военных вертолётá со сброшенными вниз верёвочными лестницами. Вертолётá висели так низко, что оставляли на воде широкие, далеко расходящиеся круги. Вокруг самолёта, вплотную к фюзеляжу прилепились черные и оранжевые лодки спасателей. Сами спасатели по цепочке передавали выбирающихся через аварийные люки людей, а некоторых усаживали в специальные корзины, прикреплённые к вертолётным тросам, и поднимали наверх. Поодаль дрейфовали два больших корабля канарской спасательной службы и три скоростные лодки «гвардии сивиль» – испанской криминальной полиции, обычно патрулирующей акваторию архипелага в поисках наркоторговцев и нелегальных перебежчиков из соседней Африки.

Знакомый диктор взволнованно рассказывал о русском самолёте, у которого в воздухе загорелся двигатель. Увидев горящий самолёт ещё над Тенерифе, на западных островах был поднят по тревоге весь штат местных спасательных служб и военные подразделения, вслед уходящему на запад шлейфу дыма от терпящего бедствие самолёта были подняты в воздух военные вертолётá, а в акваторию предполагаемой посадки срочно отправлены скоростные катера «гвардейцев».

С первой же минуты, когда наземные службы получили от русского самолёта сигнал «sos» с русскими пилотами велась непрерывная радиосвязь. На борту, как говорил диктор, находилось около трёхсот человек пассажиров и членов экипажа. По словам диктора, все находящиеся в самолёте люди были живы, и полным ходом шла эвакуация.

– Несколько раненых пассажиров, – говорил он. – С самыми серьёзными травмами, не представляющими, однако, угрозы их жизни, уже отправлены на вертолётáх в клинику острова Ла Пальма и в клинику города Ла Лагуна здесь на Тенерифе для предоставления квалифицированной экстренной помощи.

У Кармен выход в эфир был в 22:00, до этого времени был ещё час, но дома сидеть она уже не могла: позади диктора виднелась их студия, по которой метался почти весь персонал «Канал Асуль». Быстро собравшись и оставив уставившегося в экран мужа, она спустилась в гараж своего таунхауса, одела светло-синий, под цвет мотоцикла, блестящий шлем и завела мощный прожорливый двигатель своего «бмв». Через десять минут она была на месте.

В студии в прямом эфире по всем трём местным канарским каналам показывали эвакуацию людей. Хосе Луис, тот самый диктор, которого Кармен только что видела по телевизору дома, в который раз повторял одну и ту же информацию. Над местом событий последний час

кружил собственный репортёр «Канал Асуль» с острова Эль Йерро, другой дежурил в клинике на Ла Пальме, куда начали привозить раненых, а третий брал интервью у старшего диспетчера аэропорта имени Королевы Софии на Тенерифе. Картинка с места посадки самолёта была практически тёмной: на Канарах наступала ночь.

– Кармен, иди к гримёру, через полчаса твой эфир, – подлетел к ней откуда-то сбоку включенный директор канала. Ворот его рубашки был расстегнут, а галстук смотался в узкий длинный узел. В руках тлела недокуренная сигарета.

Последний раз Кармен видела его в студии почти полгода назад, во время интервью Дженнифер Лопес и Марка Антония. У тех как раз были гастроли по Европе, один из концертов которых проходил на Тенерифе.

– К этому времени обещают дать полную информацию о спасённых, – бросил директор и убежал к одному из трезвонящих в студии телефонов.

Спустя двадцать восемь минут, Кармен сидела в жарком свете софитов за столом их уютной студии. Перед ней лежал лист бумаги с только что полученной информацией, которая дублировалась на стоящем под объективом главной камеры телесуфлёре.

– Эфир, – скомандовал режиссер и запустил новостную заставку со скачущими через весь экран лошадьми.

– Доброй ночи, – начала Кармен. – Я – Кармен Наварро и мы продолжаем вести репортаж с места драмы со счастливым концом, разыгравшейся сегодня вечером у берегов Канарских островов. Российский самолёт, совершавший рейс Москва – Тенерифе, с двумястами восьмьюдесятью пассажирами на борту, был вынужден совершить аварийную посадку в открытом океане, в шестидесяти километрах к северо-западу от острова Эль Йерро. Благодаря мастерству пилотов, многотонный «боинг 747» удалось посадить без значительного ущерба для пассажиров. Аварийная посадка произошла вследствие возгорания одного из двигателей, расположенного на левом крыле самолёта. Причина возгорания двигателя выясняется.

– На своих экранах вы можете видеть, что при посадке самолёт почти потерял хвостовую часть, – в эфир пошла смоделированная на компьютере аварийная посадка, где было видно, как самолёт коснулся воды сначала задней частью фюзеляжа, затем подпрыгнул, снова ударившись о воду хвостом. – Видимо, от соприкосновения с водой, хвост самолёта и задняя часть фюзеляжа отделилась от корпуса и почти отвалилась. Самолёт в данный момент дрейфует на воде. Несмотря на повреждения левого крыла, переворачивание самолёта маловероятно. По словам официальных лиц, самолёт медленно наполняется водой и через некоторое время затонет. Тем не менее, спасательные службы заявляют, что успеют эвакуировать всех пассажиров приводнившегося самолёта.

– На место приводнения экстренно стянуты все береговые службы спасения, патрульные катера «гвардии сивиль» и подразделения испанской армии. На данный момент эвакуация проходит нормально, пассажиров подбирают корабли и вертолёты служб спасения.

Глава 7

Герман очнулся от холода. Возвращение в сознание отдалось тупой болью в ногах и спине. Голова гудела. Чуть шевельнув одеревеневшим телом, он открыл тяжелые веки и увидел раскинувшееся над ним ночное небо. Звезды висели так низко, что казалось, можно было дотянуться до них рукой. Луна потеряла левую верхнюю четверть и от этого напоминала сдувшийся футбольный мяч, которым в детстве они с друзьями играли во дворе в футбол.

Справа от луны тянулся длинный и сияющий Млечный Путь, похожий на неаккуратную дорожку просыпавшегося сахара. Слева от него сияла громадных размеров Большая Медведица. Красота такого близкого и такого необъятного космоса завораживала. Южное небо... Канары... В ту же секунду Герман вспомнил всё остальное. «Где я!?»

Судя по холоду, тишине и близкому шуму моря, он уже не в самолёте. Под ним твёрдый песок. Одежда сырая и его знобит. Пахнет морем и какими-то южными цветочными ароматами. Его будто выбросило из моря на берег.

Он попробовал пошевелить конечностями. Руки, ноги и голова нехотя, но двигались, значит, переломов не было. Собравшись с силами, он осторожно приподнял голову и увидел пустынный пляж, заканчивавшийся желто-белой от лунного света пеной прибоя. За прибоем в темнеющую даль уходило ровное, спокойное море, почти сливавшееся с густой чёрнотой неба. Морские просторы были абсолютно пустынными.

Подтянув под себя негнущиеся локти, Герман сел. С волос на шею посыпался песок. Спина отозвалась далёким спазмом то ли растяжения, то ли ушиба, но функционировала вполне удовлетворительно. Он огляделся.

Пляж окружали пальмы, темневшие на фоне густого тёмно-синего неба и бесформенные в ночи камни. Белеющая полоска пляжа терялась за поворотом, а с другой стороны над пляжем возвышалась темная и гладкая, залитая матовым лунным светом скала. Вокруг не было ни души.

Герман осмотрел себя. Вся одежда – мокасины, джинсы, рубашка, ремень – была на нём. Не хватало только часов, чей массивный браслет всегда ощущался на руке. Подарок жены на его тридцатилетие. В ярком лунном свете на левом запястье виднелась лишь полоска незагорелой кожи, всегда скрытая от солнца браслетом.

«Как жалко. И жена расстроится...»

От мысли о доме стало одиноко и ещё грустней. Тут до него дошло, что жену скорее будет интересовать более важный вопрос: куда подевался он сам? То, что самолёт потерпел крушение, сомнений не вызывало: Герман отчетливо помнил треск рвущейся обшивки и поток воды, молниеносно подмявший под себя впередистоящие ряды кресел. Пассажиров должно было смыть в океан. Вместе с ними в океан, должно быть, вынесло и Германа.

Сейчас вода выбросила его на какой-то берег. На берегу, тем не менее, он был один. Это могло означать либо то, что всех остальных уже разыскали и спасли, либо что кроме него не удалось спасти никому. Впрочем, вторая мысль тут же представилось ему маловероятной, потому что из трёхсот пассажиров, обычно помещающихся в таком самолёте, не могли погибнуть ВСЕ. Во-вторых, командир Пелешин говорил о спасателях, которые знали о месте приводнения. То есть где-то здесь сейчас должны были плавать спасательные корабли, светить прожекторы, летать вертолёты и прочее, и спасти оставшихся в живых людей. Однако, ни рокота вертолётных двигателей, ни прочего шума Герман, сколько ни старался, услышать не мог. Радости это не добавляло.

Плюс для него, на данный момент, вырисовывался только один: он лежал на твёрдой земле, то есть находился на каком-то из Канарских островов. А раз так, то где-то рядом должны были быть люди. Эта спасительная мысль вселяла надежду.

Герман поднялся на ноги, оглядев под собой песок в поисках пропавших часов и, конечно же, ничего не найдя, пошел вдоль прибоя. Селения, вероятнее всего, должны были встретиться именно на побережье.

«Людам свойственно селиться у моря, – размышлял он на ходу, – хотя... Это остров в океане, а на островах люди могут стремиться жить и вдали от стихии. Стихия непредсказуема.»

Только что в самолёте Герман читал путеводитель по Канарам и вспомнил главу о тене-рифском городе Ла Лагуна. Этот город считался культурной столицей архипелага – именно там находился местный университет – и был столицей Тенерифе вплоть до 1723 года. При этом Ла Лагуна была далеко не портовым городом. Как объясняла книжка, испанские конки-стадоры избегали строительства столиц на побережье, поэтому Ла Лагуна находилась вдали от опасного моря. Делалось это из-за боязни пиратов и прочих врагов, вроде тех же англичан с их адмиралами Блейками и лордами Нельсонами. Теперешняя столица острова, город Санта Круз, был объявлен таковой уже в более спокойные времена, когда на первое место вышли интересы торговли, и близость к морю стала необходима всевозможным негоциантам.

Идти было тяжело, хотя песок под ногами был твёрдым и ровным. Тело ломило, а затылок гудел то ли от сотрясения, то ли от нервного истощения, то ли просто от голода: желудок у Германа был пустой. Мокрую одежду Герман снимать не стал: штанины разбухшими швами постоянно терлись друг о друга, но хотя бы чуть-чуть его согревали. Промокшую рубашку Германа выжал и снова надел на себя: на теле она должна была высохнуть быстрее.

Ничего подобного с Германом никогда в жизни не происходило. Все сознательные трид-цать пять лет, что он прожил до этого момента, он старался не рисковать жизнью, потому что жизнь свою берёт и ценил. Жизнь – субстанция эфемерная, она уникальна и скоротечна, а потому не нужно подвергать её испытаниям на прочность. Человеческая жизнь, как, собственно, любая жизнь вообще, была для него чем-то священным.

Герман до сих пор помнил, как однажды во Франции, где они часто бывали, недалеко от Сан Тропе они с женой сидели за бутылкой белого вина и ели устрицы, ракушки и прочие французские морские деликатесы. В одной из ракушек Герман обнаружил четырёх крошечных крабов. Видимо, недавно родившихся, потому что были они совсем маленькими и абсолютно белыми. Герман не смог выбросить их, и когда жена удалилась укладывать детей, помчался к берегу моря, зажимая в горячей ладони крабовых детёнышей, и в итоге выпустил их в при-брежную сантропешную гальку. Тогда он тоже был на берегу. Тоже абсолютно один. Была ночь и на небе светила точно такая же слегка «сдутая» луна.

«Как я остался цел? – крутилось у него в голове. – Или, действительно, родился в рубашке? Я не разбился при посадке, не захлебнулся в океанской волне и не утонул потом, плавая без сознания в открытом океане! И сейчас цел и невредим на берегу. Вытащить меня никто не мог, иначе бы сразу отвезли в больницу или к себе домой, привели бы в чувства наконец, но не оставили здесь одного среди ночи. И сколько времени я провёл в воде? Час, два, всю ночь, сутки?»

За поворотом, до которого Герман вскоре добрёл, не оказалось ничего нового: такой же безлюдный, залитый лунным светом пляж, который извивался влево и должен был увести за очередной поворот. Интерес здесь представлял только холм. Прямо перед ним, среди целого леса приземистых пальм, этот холм возвышался высоко над берегом. Он был достаточно высо-ким для обзора и совсем не крутым – подняться на его вершину Герман мог быстро. Что он и решил сделать.

Войдя в прибрежную рощу, он увидел под ногами такой же ровный твёрдый желтый песок: трава на таком расстоянии от моря не росла, поэтому деревья росли прямо из песка. Яркая луна, просачиваясь сквозь узенькие и негустые пальмовые листья, продолжала освещать ему путь. Пальмы были необычные – стройные, узкие, сужавшиеся кверху подобно горлышку изящной бутылки.

«Интересно складывается человеческая жизнь, – рассуждал Герман, разглядывая деревья. – Насколько кардинальны и непредсказуемы её повороты. Живет человек в своём привычном, сбалансированном мире, среди одних и тех же лиц, среди знакомых улиц и домов, в приятном плену рутины и привычек. Потом решает, что называется, сменить обстановку, поехать отдохнуть на курорт, а попадает в непостижимую ситуацию. Горящий самолёт, приводнение, пустой пляж. Пара часов пешком по берегу до первой рыбацкой деревушки, телефонный звонок и в итоге, естественно, "хеппи энд": жена и дети со слезами счастья, друзья с восхищением в глазах, и даже, наверное, какие-нибудь репортёры. Но вот интересно, а останется ли этот человек после этого таким же, как был? Либо станет жить, как будто с ним ничего не произошло, как ни в чем, ни бывало? Наверяд ли. Скорее всего, изменится. Хотя окружающие, возможно, этого и не заметят... – Герман улыбнулся. – Крепче жену буду любить – это точно. Летать вообще перестану бояться: снаряд два раза в одну воронку не попадает. То, что замучаюсь всем рассказывать об этой одиссее – это сто процентов. А те ощущения в самолете, наверное, буду помнить всегда, всю жизнь. Интересно, а на Канары я ещё раз поеду? Думаю, да. Андрей в самолёте говорил, что Лансароте – остров стоящий, да и на отшельника на Лос Лобосе тоже хотелось бы взглянуть... Интересно, а что сейчас с Андреем?»

Склон холма становился всё круче и круче, и скоро развесистая темная зелень пальм осталась внизу. Он добрался до вершины. Вид отсюда открыл его взору красивейшую картину.

Перед ним лежал огромный остров, с уходящей вдаль вереницей холмов. Внизу простиралась большая долина, с раскидистыми деревьями и широким ручьём, прорезавшим её посередине. Бегущая в ручье вода искрилась в свете луны, и казалось, что этот ручей спускается на землю прямо с ночного неба. Слева долина выходила к большому песчаному пляжу, на который он должен был прийти, если бы продолжал идти вдоль берега. На пляже виднелся десяток круглых, темнеющих на фоне лунной дорожки валунов. Справа от Германа высилась небольших размеров гора, соединяющаяся невысоким перешейком с обрывистыми базальтовыми скалами. Скалы отрезали долину от остальной части острова, которая холмами поднималась вдали.

Порывы теплого ветра донесли до него букет каких-то незнакомых запахов, душистых и терпких, какие бывают только в южных широтах и происходят обычно от экзотических цветов или фруктовых деревьев. Герман тут же вспомнил, что голоден, хочет пить, и что ничего не ел со времени скудного обеда в самолете. Вот только когда был этот обед: вчера или позавчера? Судя по недовольствам голодного желудка, пролежать на берегу, теоретически, он мог и сутки.

«Жаль, что часы пропали: там был календарь...»

Удручало одно: внизу в долине не было видно ни одного селенья. Долина казалась безлюдной и необитаемой. Странно было не найти людей в таком живописном и удобном для жизни месте. Герман ещё раз окинул взглядом долину. До переливающегося лунными блисками ручья было не больше километра, поэтому он решил двигаться к нему и направился вниз.

Ещё одна мысль, которая не давала Герману покоя: на каком из островов он всё-таки мог оказаться? Тенерифе отпадал сразу, потому что самолёт улетел очень далеко от тенерифского берега. К западу от Тенерифе, если он правильно помнил, находилось три острова: Ла Гомера, Ла Пальма и Эль Йерро. Получалось, что Герман должен был сейчас быть на одном из них.

Перед нынешней поездкой Герман – хотя, наверное, больше его жена, которой всегда доверялась информационная подготовка к путешествию – облазили весь интернет в поисках информации о Тенерифе и Канарах вообще. За последние несколько лет это стало у них хорошей традицией.

Из всего собранного материала о соседних с Тенерифе островах Герман мог вспомнить немного. Например, говорилось там, что самым зеленым, самым насыщенным водой и самым красивым островом архипелага считается Ла Пальма. Ла Пальма слыла местной канарской Андалузией: остров сплошь покрыт зеленью, с огромным количеством озёр и водопадов.

Канарцы называют его «ла исла бонита», то есть «красивый остров». Судя по обилию зелени и полноводному ручью, к которому Герман сейчас продвигался, он вполне мог оказаться именно на Ла Пальме. И, тем не менее, этот достаточно логичный вывод его чем-то смущал. Вот только чем именно, понять он пока не мог...

Соседний остров Эль Йерро по описаниям должен был быть куском базальтовой скалы, торчащим из океана, с редкой и скудной растительностью и неприветливыми пейзажами. В пользу того, что Герман мог находиться на Эль Йерро, говорило то, что Эль Йерро был самым западным островом архипелага, а падающий самолёт летел от Тенерифе как раз в этом направлении.

Оставалась ещё Ла Гомера. Возможность того, что он именно на ней, Герман как раз и обдумывал. Насколько он помнил из путеводителя, вулканов на Ла Гомере не было: все они затухли десятки тысяч лет назад. Поэтому остров был зеленым и лесистым. На вершине острова, среди тумана и низких облаков росли вересковые леса и знаменитая лаура сильва – лавровые деревья третичного периода, которые каким-то чудом на этом острове сохранились. Ла Гомера числилась в списке заповедных территорий, охраняемых ЮНЕСКО, и считалась наследием человечества. У кого-то в интернете он ещё прочитал, что «если вы хотите увидеть, как выглядела Европа при динозаврах, отправляйтесь на Ла Гомеру».

«Вот я сюда и приехал», – безрадостно усмехнулся он. Экскурсию на этот остров Герман представлял себе несколько по-другому.

Помимо того, Ла Гомеру за уединенность и красоту любили канарские молодожены, проводя здесь свой медовый месяц. Эти описания очень подходили под незаселённый зелёный пейзаж, видимый Германом сейчас.

«Но стоп! – Герман даже остановился. – В версии с Ла Гомерой не сходится математика. После того, как он видел Ла Гомеру в иллюминаторе, самолёт до момента падения летел ещё минут пять – десять. Лётчик говорил, что скорость у самолёта была девятьсот пятьдесят километров в час. Допустим, что с неработающими на левом крыле двигателями скорость была вдвое, а то и втрое меньше, пусть двести – триста километров. Но триста километров в час – это пять километров в минуту, то есть за десять минут мы должны были пролететь пятьдесят километров. Смог бы я без сознания дрейфовать обратно к Ла Гомере пятьдесят километров? Маловероятно. Значит, я ближе к месту крушения и, скорее всего, на Ла Пальме».

«Нет, – ответил он тут же на свои мысли. – С Ла Пальмой тоже не сходится!»

Он хорошо помнил фотографию Ла Пальмы: на острове должен быть два достаточно высоких вулкана. Говорили, что когда смотришь на него с Тенерифе, он похож на двугорбого верблюда, лежащего в океане. По высоте вулканы Ла Пальмы уступают знаменитому тенерифскому Тейде около полутора тысячи метров, но даже вулкан высотой 2.400 метров на Ла Пальме должен быть виден отовсюду!

Герман даже остановился, чтобы ещё раз оглядеться. Он был в низине, невдалеке от ручья, но ни отсюда, ни с холма, оставшегося далеко позади, никаких высоких вулканических образований, которые могли бы быть ла-пальмскими вулканами, он заметить не смог.

Опять же, Ла Пальма должна быть достаточно плотно заселёна: это один из самых населённых островов на западе архипелага, а здесь Герман не видел никого. Здесь не просто не было ни души, здесь не было даже признаков человеческого присутствия: ни огонька в горах, ни дорог, ни шума. Только близкий шелест волн по песчаному пляжу и насыщенный южный армат наполняли эту тихую ночь.

«То есть не Ла Пальма... И всё-таки где же я, чёрт возьми, нахожусь?»

И тут до него дошла самая ужасная правда, которой всё это время удавалось от него ускользнуть. Самое явное несоответствие всех его умозаключений и предположений.

В его теориях не сходилось главное: песок на пляже, куда его выбросило волной, был белым. Но! Ни на одном из западных канарских островов... белых пляжей не существовало! Все пляжи Ла Гомеры, Ла Пальмы и Эль Йерро были с чёрным вулканическим песком!

Вдоль его позвоночника пробежал озноб. Тихая южная ночь вдруг стала неуютной и враждебной. Герман инстинктивно обернулся и сделал это очень вовремя: из темноты на него со страшной скоростью нёсся человек.

Глава 8

Лайам О'Брайен любил слушать радио.

На Тенерифе вещали три англоязычных радиостанции, и любой соотечественник О'Брайена чувствовал здесь себя, как дома. Сам О'Брайен, в отличие от большинства британских туристов и живущих здесь постоянно иммигрантов, обладал уникальными способностями к языкам и свободно владел не только английским и родным ирландским, но и испанским, немецким и арабским языками.

Вчера и сегодня О'Брайен старался не выключать радио вообще. На Канарах произошло из ряда вон выходящее событие – авария русского самолёта, приводившегося в открытом океане. Вот уже почти двадцать часов полным ходом шли спасательные операции, и О'Брайен не пропускал ни одного выпуска новостей.

Вырулив из подземной парковки коммерческого центра «сафари» в Лас Америкасе, он включил радиостанцию «Оазис ФМ» и принялся ждать. Сейчас как раз должны были передавать новости. В динамике отгремели последние аккорды забытого шлягера какой-то составившейся рок-звезды, которую на этой радиостанции очень любили, и после короткого блока новостей из Лондона бодрый голос диктора сообщил:

– Перейдём к местным новостям. Главная новость дня сегодня – российский пассажирский самолёт, следовавший по маршруту Москва – Тенерифе и совершивший вынужденную посадку в открытом океане, в шестидесяти километрах к западу от Эль Йерро. Спасательные и поисковые работы в районе места посадки продолжались сегодня всю ночь и весь день. На данный момент из зарегистрированных двухсот восьмидесяти пассажиров и членов экипажа обнаружены и эвакуированы двести семьдесят восемь человек. В достаточно тяжелом состоянии находятся семеро пассажиров, сейчас они на Тенерифе, им оказывают помощь в университетской клинике города Ла Лагуна. Двести девятнадцать человек получили лёгкие травмы и сотрясения, большинство из них уже переправлено в клинику Канделярия на Тенерифе. Часть пассажиров находятся в госпиталях и клиниках островов Эль Йерро и Ла Пальмы. По словам врачей, угрозы жизни не существует ни для одного из спасенных людей. Летальных исходов не зарегистрировано. Спасатели и официальные лица признают аварийную посадку русского борта чрезвычайно удачной, а действия пилотов исключительно профессиональными.

– Тем не менее, остаются два человека, которых спасатели обнаружить не могут, – продолжал диктор. – Поиски двух пассажиров продолжают вести спасательные службы всех островов Западной провинции, подразделения армии и «гвардии сивиль». На борту самолёта этих двух пассажиров пока не найдено, спасатели исследуют близлежащие воды. К сожалению, поиски затрудняются поднявшимся сегодня утром сильным штормом в этом квадрате. Штормовое предупреждение было передано на все рыболовные и прогулочные суда, но спасатели говорят, что будут продолжать вести поиски до тех пор, пока не найдут двух оставшихся пассажиров с русского самолёта. Личности этих двух человек сейчас устанавливаются. А у нас на очереди погода...

– Не может быть! – О'Брайен быстро перепрыгнул на другую радиостанцию, уже испанский канал, но там новости были те же. – Этого просто не может быть!

Его чёрный «рэйндж ровер» резко вильнул влево, чуть не задев встречный рейсовый автобус, когда О'Брайен стал выуживать из кармана свой мобильный телефон. На первой клавише скоростного набора был записан номер телефона экстренной связи. Большой палец привычно нашел кнопку и нажал соединение.

– Осборн, это я. Ты слушаешь радио?

– Да, сэр, – отозвалась трубка. – Как Вы приказали.

– Эти двое русских там!

В трубке у человека, которого О'Брайен назвал Осборном, воцарилась тишина. О'Брайен почти видел лицо своего помощника – угрюмого двухметрового детину, стригущего голову наголо и обожавшего японские цветные татуировки. В минуты напряженной работы мозга лицо у Осборна Райлли становилось хмурым и сосредоточенным, он выдвигал вперед подбородок и начинал хрустеть пальцами, сдавливая один кулак другим – привычка, оставшаяся от боксёрского прошлого.

– В это трудно поверить, Осборн, но больше им быть негде: там вокруг одна вода и толпы спасателей. Их должны были давно найти, как нашли всех остальных двести семьдесят восемь человек.

– Я не исключаю такой возможности, сэр, но вы не думаете, что эти двое могли просто утонуть?

– Тогда почему утонуло только два человека?! – О'Брайена даже удивился, почему ему приходится объяснять своему подчиненному такие очевидные вещи. – Все пассажиры были в жилетах, Осборн, и эти двое тоже.

– Они могли оказаться в хвосте в тот момент, когда он треснул и вместе с ним уйти на дно, сэр. Возможно, жилеты не сработали, или они не успели их надуть.

– Слово «возможно» должно отсутствовать в Вашем лексиконе, – оборвал его О'Брайен. Глаза его сузились и потемнели. – Этих «возможно» слишком много для такого незначительного происшествия. Есть факты и эти факты нужно проверить. Во-первых, неизвестно в какой части самолёта сидели эти двое. Во-вторых, в хвосте кроме них двоих сидело ещё пятьдесят пассажиров. Как минимум, Осборн. И все эти пассажиры живы!

– Да, сэр. Вы правы, сэр, – услышал О'Брайен на другом конце.

– Действуешь следующим образом. Следи за новостями ещё сутки. Завтра в 20:00 пройдет сорок восемь часов после аварии самолёта. Двое суток в атлантической воде для двух неподготовленных туристов – это смерть. Завтра их либо найдут мертвыми в океане, либо ... – он сделал паузу.

– Я понял, сэр, – отозвался в трубку Осборн.

– Если в 20:00 завтра этих двоих не найдут, готовь свою группу.

– Есть, сэр.

– В полночь их собираешь в порту. Дальше ты всё знаешь.

– Так точно, сэр.

Однако Лайам О'Брайен уже дал отбой на своей «нокии». У него была назначена важная встреча. Он прибавил громкость радио и развернулся через сплошную линию.

Глава 9

Герман отшвырнул прочь подобранную минуту назад ветку и бросился наутёк. Здесь, среди пальм, песок был заметно рыхлее того, что на пляже, носки проваливались вниз и цепляли желтые холмики. Бежать становилось всё труднее и труднее. По лицу хлестали темные листья карликовых пальм, а ноги и руки царапали высокие с колючими шипами кусты.

Герман бежал в сторону ручья, надеясь быстро через него перебраться и, оказавшись на другом берегу, спрятаться в густом фруктовом саду. Запах каких-то неведомых ароматных плодов с каждым шагом становился всё сильнее. Там, во фруктовых зарослях, он мог легко затеряться – лечь под какой-нибудь куст или залезть на дерево, тем более что в запасе у него было минута или две, пока бежавший человек его не настигнет.

Преследователь тем временем стал что-то кричать. По доносившимся сзади звукам было слышно, что он, скорее всего, один. Что именно он кричал, из-за шума своего разгоряченного дыхания и звонких шлепков пальмовых веток по лицу и одежде, Герман разобрать не мог.

В своё время Герман довольно серьёзно занимался легкой атлетикой. Стал даже кандидатом в мастера спорта. В студенческие годы спорт забросил, но до сих пор каждое утро, как раньше, пробегал пять километров и делал китайскую зарядку. Атлетом бы он себя не назвал, но летом раздеваться на пляже стыдно ему никогда не было. Бег по пересеченной местности был для него в удовольствие: часто организм сам просил нагрузки и оправлял послушного его призывам хозяина бегать по крутым холмам или взбегать вверх по лестницам. «А организм нужно слушать, – любил говорить Герман. – Он даёт очень много подсказок. Главное их слышать и не игнорировать».

Преследователь тем временем заметно отставал. Пару раз Герман оборачивался назад, но из-за деревьев как следует рассмотреть преследователя не мог. Перепрыгнув через ручей, оказавшийся много шире, чем он предполагал, Герман юркнул в прогал между деревьями, пробежал ещё метров триста и с разбегу заскочил на дерево. Это было трухлявое дерево с поросшим мхом стволом, влажное и скользкое от ночной росы. Ствол был довольно толстым и ветвистым, так что через пять секунд, сломав головой пару веток и слегка оцарапав лицо, Герман забрался на самый верх и затаился. Пытаясь беззвучно отдышаться, он прислушался. Его преследователь уже не бежал: его усталые шаги были слышны внизу, он подходил к ручью.

– А-а-у-у!!! – услышал Герман. – А-а-у-у!!!

«Странно, – подумал он. – А разве в испанском есть слово «ау»?!»

Насколько он знал испанский, в подобных случаях в разговорной речи испанцы употребляли банальное «ола», то есть «привет». Как, собственно, в английском языке в этих случаях употребляется приветственное «хеллоу». Кроме как в русском, возглас «ау» Герман не смог припомнить нигде.

– А-у! Ё-моё, куда ж ты убёг-то, амиго!? – различил он показавшийся ему знакомым голос. – Вот ведь чёрт прыткий! Рональдо канарский!

Чертыханья и ругательства не оставили у Германа никаких сомнений.

– Андрей? – крикнул он в сторону ручья. – Ты что ли?!

– Гера?!?!?! – радостно завопил в ответ Андрей. – Гера! Ты где? Ой, ё-моё, неужто ты!? Живой! Да где ты там!? Слава Богу, хоть не один я тут! Герка, вылезай давай! Вот ты ж бегаешь, а! Ты бегун, что ли? Стайер чертов!

Кряхтя, Андрей вброд переходил серебристый ручей, а Герман мигом слетел с дерева.

– Андрей! – Герман уже сгрёб приятеля в охапку объятий. – Андрей, что ж ты не сказал, что это ты?!

– Ну, ничего себе?! – возмутился тот, сдавив его мощными руками. – Бегу, ору ему, чуть голос не сорвал, то-сё, а он от меня удирает как сайгак. Антилопа Гну! Ай, Герка, как же я рад тебя видеть!

Они долго хлопали друг друга по спинам, переваливаясь с ноги на ногу в ритуальном танце русских мужских объятий. Друзья по счастливому избавлению от одиночества. В тот момент с них можно было рисовать картину: ночь, луна, блистающий серебром ручей и посреди него два радостно вопящих человека, обнимающиеся, как родные братья, будто однажды потерявшие друг друга и, наконец, встретившиеся после горькой многолетней разлуки.

Выйдя из воды на берег и усевшись на ствол упавшего когда-то дерева, приятели принялись обсуждать события последнего дня. У обоих накопилось слишком много вопросов и предположений.

– Во-первых, Андрей, ты можешь мне сказать, какой сейчас день и сколько сейчас времени? – спросил Герман. – У меня часы утонули.

– Времени – пять часов утра по Москве, с Канарами у нас три часа разницы, значит здесь сейчас два ночи. Светать начнёт нескоро. А день и число ровно на день позже того, что было в самолёте – суббота, 28 июля.

– Так, значит, в воде мы с тобой были недолго. Посадка на Тенерифе должна была быть в 19–20, приводинились мы где-то в полвосьмого. Здесь на берегу я приходил в себя и потом шел до этой рощи максимум полчаса. Значит, в воде ты и я могли провести часов шесть.

– Вряд ли, – усомнился Андрей, массируя уставшие от бега ноги. – Скорее всего, ты на берегу долго лежал. Потому что я раньше очнулся, больше часа назад. Тоже на берегу, только с другой стороны. Шел, получается, тебе навстречу.

– А с той стороны там что?

– Да то же самое: песок да пальмы. Пара скал. Вулкан на горизонте. Длинный у них здесь пляж.

– Вулкан? – удивился Герман. – А я его не разглядел.

– Он далеко, отсюда не видно. Остров, похоже, большой.

– Понятно. Раз на этом острове есть вулкан, то мы с тобой на Ла Пальме.

– Да, так и есть, – убедительно кивнул Андрей. – По описаниям сходится. Да и самолёт далеко от Тенерифе упасть не мог.

– Слушай, а в самолёте что с тобой было?

– Там меня сразу накрыло водой. Я вообще думал, что света белого никогда уже не увижу. Пытался сколько мог задерживать дыхание, а потом чувствую, отрывается моё кресло, и лечу я назад, а куда – не вижу. Тут мне просто страшно стало, я кое-как ещё держался, а потом, то ли ударился обо что, то ли захлебнулся, в итоге отключился.

– А я не помню, как кресла отрывались, – задумчиво отозвался Герман, вспоминая своё приводнение. – А соседка наша как?

– Не видел Андрей, не знаю. Вообще, не знаю, что и думать обо всём этом, – он шумно вздохнул. – Надеюсь, что с людьми всё хорошо. Ты сам посуди. – Он подался вперёд, заглядывая Герману в глаза. – Если мы с тобой живы, то сё, и обошлось вроде без видимых повреждений, значит, самолёт пострадал не сильно. А раз самолёт пострадал не сильно, значит должны были спастись многие, может кто-то с ушибами, с переломами, но живые! Однозначно! Неужели только мы с тобой спаслись!? Неужели все остальные утонули!? Там же триста человек должно было быть! И летчик аккуратнo сел. Непонятно только, как вода спереди в салон попала...

– Вот и я также думаю. А вода в салон, скорее всего, через кабину лётчиков залилась: могло стёкла у лётчиков выбить.

– Навряд ли! – отмахнулся Андрей. – Слишком большой поток для таких маленьких окон.

– Ну, может, двери вырвало.

– Да там двери, как на подводной лодке! Ты ж их видел! Я думаю, что, скорее всего, обшивка где-то треснула. Мог самолет носом по воде ударить, а на месте удара трещина образовалась.

– В принципе, да, хвост ведь явно от удара о воду отвалился.

– Хвост отвалился? Я такого не видел, – Андрей бросил на собеседника скептический взгляд. – Может, тебе показалось?

– А как ты думаешь, мы с тобой в открытом океане тогда оказались?! – возмутился Герман, даже привстав от волнения. – Я на сто процентов уверен, что хвост отвалился, и нас с тобой потоком воды выбросило в открытый океан! Если бы сзади не появилось отверстие, нас бы просто расплющило о дальнюю стену. После чего мы бы с тобой благополучно захлебнулись, потому что воде некуда было бы оттуда вылиться. Опять-таки заполненный водой самолёт сразу бы пошел ко дну. Как мы с тобой тогда оттуда выплыли?

– Ну, вообще-то логично, – согласился Андрей, чертя по песку палочкой каракули. – Хотя самолёт мог затонуть, а нас какими-нибудь течениями потом вынесло на поверхность.

– У нас бы с тобой в легких воздуха не хватило, чтобы столько пробыть под водой и не захлебнуться. Нет, нас сразу выбросило на поверхность, на воздух. Вот только как мы смогли доплыть до берега? Ты расстояние до соседних островов прикидывал?

– В том то и дело, что прикидывал. Теоретически, мы с тобой должны быть черт знает где в океане, а не на Ла Пальме. Острова ведь остались далеко позади, а летели мы на запад. Я собственными глазами видел, как мы пролетели Ла Гомеру! Тут вплоть до Америки никаких островов нет. Не на Кубе же мы с тобой, не в Доминикане! До них от Канар шесть тысяч километров! – здесь Андрей попытался засмеяться. – А представь, если мы на Кубе! Сейчас, поди, Фидель появится.

– Странно это всё, странно, – задумчиво произнес Герман. – Не сходится ничего. То, что мы спаслись странно, то, что сидим на твёрдой земле странно и то, что кроме нас нет никого вокруг, ещё более странно.

– Ну, на счёт последнего я бы так категорично пока не судил, – возразил Андрей. – Во-первых, сейчас ночь, местный народ может спать. Во-вторых, Канары заселены мало, на Ла Гомере, например, народу живет всего восемнадцать тысяч человек, там соседи друг от друга на расстоянии пяти километров строятся! Потом. Что касается пассажиров. Берег на этом острове длинный, я знаешь, сколько по нему топал, пока тебя не увидел? А пассажиры могут быть разбросаны по всему берегу. Может, мы кого из них встретим километров через десять, откуда мы знаем? А ещё вероятней, что все уже сидят, наверное, толпой в ресторане, в тёплой компании, спасение отмечают канарским кроликом с картошечкой, а мы тут с тобой кукуем, голодные.

– Это что ещё за кролик? – снова вспомнил о пустом желудке Герман.

– Ты что! Это национальное блюдо на Тенерифе! Обалденная штука! Я мечтал его сегодня же вечером поесть, пока в самолёте летел!

– Ну ладно, погоди про еду... По идее, Андрей, ты прав. Но смотри сам. От Ла Гомеры, которую мы видели, самолет сел километров за сто – сто пятьдесят. Это много. Я так думаю, что за шесть часов без сознания мы вряд ли до него додрейфовали. Хотя... Ладно, утро вечера мудренее.

Андрей оглянулся по сторонам и зевнул:

– Я предлагаю поспать, а завтра при свете дня пойдем искать остальных.

– Да какое тут спанье!

– Как раз самое лучшее. Я, правда, устал. Плаванья эти, то-сё, за тобой тут бегал, как сайгак.

– Скорее, джейран, – пошутил Герман.

– Ага, – усмехнулся Андрей. – А есть, что бы ты ни говорил, на самом деле хочется очень сильно. Как говорит мой папа, «моя комплекция – как роза, её надо холить и лелеять!». Он больше меня в два раза.

– До еды, похоже, ещё далеко.

– Ну, милый мой, ты ж не на Канары приехал, – своим сиплым смехом отозвался Андрей. – Давай-ка, посмотрим, где тут улечься можно.

– Да прямо здесь, а что? Песок, вроде, теплый, – Герман пересел с поваленного дерева на песок. – Только в штаны тут ночью никто не заползёт?

– Нет, на Канарах ни змей, ни скорпионов, ни комаров, ни медуз. Кусать тебя некому, – отозвался Андрей, укладываясь на песок и сооружая под голову некое подобие песчаной подушки.

– Ты уверен?

– Угу.

– Да, хорошо тут на Канарах. Если, конечно, это Канары... – Герман посмотрел наверх. – Небо здесь красивое....

– О, идея! – сел вдруг Андрей. – Давай-ка, мы попробуем сориентироваться. Проведем, как говорил командир у нас в школе, рекогносцировку на местной местности.

Он взял в руки лежавший поодаль сучок и стал, периодически подымая голову к чёрному, усыпанному ночными светилами небу, рисовать на песке расположение звёзд. Через пару минут карта звёздного неба была готова.

– Большая Медведица прямо перед нами. От боковой стенки отмериваем расстояние равное пяти ковшам и находим полярную звезду. Вон она сияет. А она у нас всегда на севере. То есть север у нас в той стороне. И получается, что высадились мы с тобой на северном побережье. Ну вот, теперь можно спать, – умиротворённо сказал он. – А завтра разберёмся. Эх, мне бы мой лэптопчик...

– А кстати, вещи пассажиров должно было тоже на берег выбросить... И обломки от самолёта... – отозвался уже с закрытыми глазами Герман. – А мы с тобой ничего что-то не встретили. Тоже странно...

Андрей устраивался на песке.

– Ладно, не забивай голову на ночь. Мой папа знаешь, что в таких случаях говорит? «Чем меньше мыслей – тем лучше сон». Завтра найдём мы это всё. Но компьютер жалко. И вообще, надо было бы нам с тобой на берегу ночевать: а то, может, нас уже кто-то ищет... Эх, хорошая мысль приходит опосля...

Андрей в тот момент ошибался. Друзей никто не искал. Их уже нашли. Из темноты на двух спасшихся робинзонов смотрели два человеческих глаза. Их речь была незнакома чуткому уху, но острое, успевшее привыкнуть к темноте зрение, различало все детали на противоположном берегу ручья: оставленные под деревом кроссовки Андрея, блестящую пряжку ремня и двух засыпающих на песке чужестранцев.

Широкая мозолистая ладонь осторожно опустила ветку апельсинового дерева, в листве которого прятался невидимый наблюдатель. При этом на его правом запястье в лунном свете блеснули золотом показавшиеся бы знакомыми Герману часы «картье».

Глава 10

Компьютер пискнул, сообщив, что в ящик пришло новое письмо. Кармен Наварро открыла почту. Письмо было подписано именем, которое ей ни о чем не говорило. Кармен часто получала письма от телезрителей, желавших, чтобы о них сняли репортаж или написали в газете. По первым строкам Кармен поняла, что перед ней одно из таких писем.

«Уважаемый редактор телеканала Канал Асуль!

Меня зовут Фернандо Гарсия Эррера, я пишу Вам из Барселоны. Я только что вернулся с канарского острова Эль Йерро, куда приезжал отдыхать и где столкнулся с необычным явлением. Если вам будет интересен мой рассказ, с удовольствием с вами встречу и приму участие в одной из ваших программ, либо буду рад, если Вы опубликуете его в журнале, который издаёт Ваш телеканал. В конце прилагаю свой адрес и телефон.

На канарский остров Эль Йерро я поехал отпраздновать своё тридцати пятилетие и здесь я оказался впервые. В ночь перед своим юбилеем, я лёг спать в три часа утра. Сидел на скамейке в саду перед домом и обдумывал, почему голова в день рождения не занята, как обычно, ощущениями дня рождения, мыслями о пройденном и предстоящем, переживаниями об уходе времени и прочей подобающей моменту символике? Пришел к неожиданному выводу: мой юбилей на фоне глобальности факта приезда на остров Эль Йерро, тускнеет, теряет пафос и превращается в рядовую день рожденную дату. Потому что Эль Йерро – это нечто! Это восторг! Это откровение! Это начало неизвестности! Энигма!!

За свою жизнь я встречал множество людей, побывавших на Эль Йерро. Ни один из этих людей не жалел восхищений и комплиментов по отношению к острову. У одного на Эль Йерро домик, куда он уезжает каждый выходной. Другой сказал, что хотел бы провести на Эль Йерро старость. Третья – что хотела бы там умереть. Поэтому на Эль Йерро мне хотелось поехать давно. Я не был ещё на четырёх канарских островах, но больше всего мне был интересен Эль Йерро. Любой человек, узнававший о моей поездке, сразу начинал смотреть на меня уважительно. Видимо, каждый из этих людей знал, что я на пороге большого события!

Эль Йерро необычен и притягателен изначально, по умолчанию. По форме остров напоминает трёхлучевую мерседесовскую звезду. Пятьдесят тысяч лет назад огромный кусок острова объёмом в триста кубических километров (!) откололся в середине острова и рухнул на дно океана. Знаете, какие глубины вокруг Эль Йерро? Три с половиной тысячи метров. Высота цунами, поднятого рухнувшей на дно глыбой, по расчетам, составила сто метров – волна прошла через всю Атлантику и накрыла берега современной Бразилии и Аргентины. На месте «отвала», назову его так, образовалась, таким образом, самая плодородная долина на острове, которая называется Эль Гольфо – Залив. Все знаковые фото Эль Йерро демонстрируют как раз эту долину. Уже из-за одного этого геологического эпизода на остров хотелось поехать.

Во-вторых, по Эль Йерро проходит нулевой меридиан. Каких-то пятьсот лет назад Эль Йерро был для европейцев официальным концом света! Отсюда начинался отсчёт времени в сторону востока. Отсюда же начиналась неизвестность в сторону запада. Я поехал на нулевой меридиан именно в день своего рождения. Здесь, на скалистом лавовом обрыве, почти отвесно падающем в белую пену свирепого у берега океана, стоит огромный маяк. С виду заброшенный. Поставленный испанцами в каком-то не совсем далёком году. На нём надпись: «Это самый западный маяк Европы». Ещё ближе к берегу – старый деревянный крест. На кресте по-испански написано Cruz de Navegante – Крест Мореплавателя. И вот стоишь там, у креста, смотришь в открытый океан и понимаешь ... понимаешь многое ... понимаешь, что тлен, а что вечно ... насколько ценна любовь ... дети ... дружба ... На этом берегу сразу обещаешь себе привезти сюда близких друзей и сидеть с ними вместе ... под этим крестом ... в сумерках ... провозая на запад солнце ... и говорить с ними «за жизнь». Многие из нас видели океан, скажем, с Тене-

риффе. Но на Тенерифе смотреть на океан не то: ты знаешь, что там, в море есть ещё Ла Гомера, Ла Пальма, то есть ещё есть обитаемая земля... Здесь на Эль Йерро ты смотришь на горизонт, на ровную линию океана, на застывшие далёкие белые облака и понимаешь, что за Эль Йерро уже нет ничего! Только вода, километры воды. Я тогда подумал о Колумбе. В 1492 году он стоял на соседней Ла Гомере, точно также смотрел в открытый океан и понимал, что земли за Ла Пальмой и Эль Йерро нет. Близкой земли. Что, возможно, нет там и далёкой земли, но он всё же поплыл! Как настоящий мужчина, взял и поплыл. Таких мало, потому он и личность!

Отметка нулевого меридиана находится чуть поодаль маяка. Едва не угробив подвеску своей малолитражки – асфальтовых дорог в районе маяка и меридиана нет, хотя, казалось бы, культовые места и дороги должны быть самые лучшие! – я доехал и до него. Сильное впечатление. Нулевой меридиан по Эль Йерро в 200 году нашей эры провёл Клавдий Птолемей – александрийский учёный, географ и астроном, по трудам которого до сих пор учатся в университетах. За Эль Йерро земли для европейцев не существовало! Затем, в 1884 году нулевой меридиан перенесли в английский Гринвич. Сейчас на Канарах точно такое же время как в Лондоне, но на час меньше, чем у нас в Барселоне. Как я мог в такое место не поехать?!

Далее. На Тенерифе рядом с вулканом Тейде, как вы помните, есть уникальная скала «туфелька королевы», которая очень похожа на женскую туфлю на каблук. Однажды, ещё в мою первую поездку на Тенерифе, я услышал от нашего экскурсовода, что на острове Эль Йерро есть, мол, точно такая же туфелька, только стоит она не на суше, а в океане. Представляете моё нетерпение поехать на Эль Йерро и самому в этом убедиться? Эту скалу я нашел. Скала является одним из главных символов острова.

Из прочих легенд, которые влекли мою неутомимую натуру на Эль Йерро, была легенда о Священном Дереве Гароэ (ударение на «э»). Конкистадоры, высадившиеся в начале пятнадцатого века на эль-йеррском берегу, испытывали большую нужду в питьевой воде: на Эль Йерро нет ни рек, ни озёр. Местные аборигены-бимбаче рассчитывали на то, что когда запасы пресной воды у испанцев закончатся, то они с острова восвоюси и уберутся. И так бы оно, наверное, и вышло, не влюбись девушка Гуарасока в некоего андалузского конкистадора. Пожалела она мучающегося жаждой возлюбленного, да и отвела его в тайное место, откуда бимбаче добывали воду – в пещеру, в которой росло дерево Гароэ. Это дерево впитывало в себя влагу из облаков и с окружающих деревьев так, что с его веток капала пресная вода. Под корнями дерева бимбаче вырыли двухметровые пещеры, наполнявшиеся каждое утро питьевой водой-конденсатом. Эти пещеры до сих пор стоят там, где их выкопали шестьсот лет назад, представляете? Дерево Гароэ погибло ещё в 1610 году во время некоего урагана, но посаженная на его месте липа выглядит действительно необычно: весь её ствол покрыт влажным зелёным мхом. В пещере прохладно и сыро. Удивительно, но факт: на фотографиях, сделанных рядом с деревом, фигура позирующего засвечивается! Само дерево видно хорошо и отчётливо, а вместо человека перед ним – только белый контур. И так на всех фотографиях оттуда...

А чего стоит сабиналь – канарский можжевельник! Растут можжевельниковые деревья ближе к вершине острова – там, где дуют сильные ветры. Под действием ветра деревья эти согнулись пополам, но при этом не погибли, а продолжали расти. Зрелище неповторимое! На Эль Йерро такого сюрреалистического можжевельника целые леса:

Остров, действительно, необычно зелёный. Повсюду луга и пастбища, на которых лениво бродят стада коров и овец. Я никогда не видел, как растут ананасы, а в долине Эль Гольфо – той, что образовалась на месте «отвала» – выращивают самые вкусные ананасы в Европе, увидите – обязательно попробуйте! Оказывается, растут они, как кукуруза – из земли, наверх, из светло-зелёного кустика. Во всех ресторанах их подают на десерт, вкус действительно изумительный! Тут же рядом растёт папайя, манго и апельсины. На перевалах – сосновые леса, вечнозелёные кустарники табайба и эвкалипты. На юге – лавовая пустыня и курганы спящих вулканов. Их здесь тысяча штук, хотя извергались все очень давно.

А ещё, сеньоры, Эль Йерро – единственный остров на архипелаге, где были найдены петроглифы. Древние аборигены, как правило, никаких связанных надписей не делали, а здесь на Эль Йерро их целые письмена! Но – вот ещё одно проявление необычности острова – дорог к этим петроглифам нет. Ко всем достопримечательностям, нужно идти пешком: что к дереву Гароз, что к нулевому меридиану, что к письменам, что к самому высокому эль-йеррскому пику. К дереву и меридиану я таки смог проехать на машине, а вот до петроглифов за четыре дня не добрался. Зато купил домой глиняную дощечку с этими загадочными надписями. Кстати, к письменам до недавнего времени никого, кроме учёных, не пускали. Столько удивительного на таком небольшом клочке земли!

Время на Эль Йерро остановилось. Здесь можно прожить шесть лет и этих шести лет не заметить. Остров в десять раз меньше Тенерифе – площадь всего 237 кв. км. Всё находится рядом. Из конца в конец вдоль берега остров можно проехать за 20 минут, по невысокому, всего в полторы тысячи метров хребту – минут за 40. Поэтому жизнь здесь неспешна. На машинах люди ездят со скоростью 40 км/час, по какой бы дороге вы не ехали. При этом дороги пустые. Можно полчаса ехать по шоссе и не встретить ни одного автомобиля! Ощущение необитаемости не покидает ни на минуту.

Все 10.000 человек местных жителей друг с другом знакомы. Здесь начинаешь здороваться с каждым встречным и в ответ всегда получаешь неторопливое приветливое «буэно-ос».

В ресторане разговор официантки с посетителем: «Ну, ты сегодня ешь, как менсей!» (менсеи – это древние бимбачские вожди). Для нас бимбаче, менсеи – это всё легенда, а здесь люди реально этим живут!

На стеклянной двери главного входа в мэрию приколот листочек. Читаю: «Координаты мэрии Фронтеры: 27 градусов 45 минут 12 секунд северной широты и 18 градусов 00 минут 39 секунд восточной долготы». Объясните мне: кто это повесил? Зачем? Для кого?... Этим людям это реально нужно! Для них это действительно важно! Они просто поразительные необычные люди!

У эль-йеррцев и лица другие: совсем не испанские. Встречались совсем колоритные люди – с бородами, высокими скулами, чуть раскосыми глазами. Настоящие бимбаче! Эль-йеррцы по-другому говорят: это единственный остров на архипелаге, где нет ярко выраженного канарского акцента с придыханием.

Городков на острове много, но все они крошечные, в десять – двадцать домов, зато земельные участки у этих домов огромны: остров для такого количества жителей просторен. Все домики тщательно побелены, выкрашены, вокруг домов – сад, аккуратная каменная оградка, просто отличной выработки деревянные ворота, двери, окна. Крыши крыты необычной плоской черепицей, которую выпускали ещё во времена Франко – помните? Везде очень чисто. Здесь нет недостроев и так у нас любимых недоштукатуренных и не покрашенных домов, в которых мы можем жить десятилетиями. Эль-йеррцы другие. Они – эстеты.

Большим городом считается столица Вальверде. В городе живёт 1.800 человек, город проезжаешь весь за три с половиной минуты. «Большое количество баров и ресторанов», упомянутых в путеводителе, ограничиваются числом пять, но путеводитель не врёт: в остальных городках бар, как правило, один. Это так здорово!

Здесь нет больших супермаркетов и их посетителей, сваливающих горы суррогатной еды в свои бездонные тележки и счастливых от самого факта потребительства и траты денег. Здесь неуместно выглядели мои «статусные» рубашки и здесь я не видел ни одного дорогого автомобиля. У местных другие ценности. Они живут совсем другой жизнью. Правильной, гармоничной, не отравленной тщеславием и меркантильностью цивилизации. Каждый, кто сюда приезжает, наверное, сразу чувствует это и меняется. Мне почему-то так показалось.

Массовый туризм отсутствует, сюда ездят любители пеших прогулок, рыбаки, дайверы (на Эль Йерро самое интересное на Канарах дно) и парапланеристы. Также много учёных: Эль

Йерро – биосферный заповедник. Здесь уникальные леса, насекомые, птицы. Именно здесь на скале Сальмор живут доисторические ящерицы метровой длины, которые, говорят, видели динозавров. Ящерицам посвящен отдельный музей, но самая большая ящерица, которую вам показывают – длиной 80 см.

Ну и добавьте ко всей этой сказочности крошечные ухоженные домики из обточенного чёрного вулканического камня. Они здесь повсюду: именно из этого камня свои первые жилища строили бимбаче, а эль-йеррцы традиции чтят. Именно в этом стиле построена гостиница «Пунта Гранде». Бывший дебаркадер, которому уже больше ста лет, он занесён в книгу рекордов Гиннеса, как «самый маленький отель в мире». Там всего четыре номера и все они всегда заняты, как вы догадываетесь. Стоит на обрыве, на небольшом мысе, который выходит в океан. Красиво.

Именно с балкона этого отеля я увидел необычное явление. Рано утром, выйдя на воздух, на горизонте в западном направлении мне показалось, что я разглядел остров! Восходящее солнце хорошо его подсвечивало. Остров был покрыт шапкой белых облаков и вполне мог сойти за скопление дождевых туч, либо испарения с воды – день в последствии выдался жарким – но, взяв в руки бинокль, я смог рассмотреть остров подробно! Остров похож на двухгорбого верблюда. Один из его холмов чуть выше другого. Склоны зеленоватые, будто горы там покрыты густым лесом. Остров возвышался из океана довольно отвесно, подымаясь на высоту, наверное, равную высоте самого Эль Йерро. В тот момент на балконе я был один. Я спустился вниз, чтобы найти дежурного администратора гостиницы и показать ему остров, но когда мы вышли на улицу и посмотрели в сторону острова, горизонт был пуст! В направлении, где только что был виден остров, сгустились тучи. В западном направлении появился дождевой фронт, и девушка-администратор пояснила мне, что такие «видения» на острове не редкость. Она назвала это галлюцинацией. Однако я могу поклясться, что видел на горизонте остров. Это случилось 26 июля в 7 часов 30 минут утра. Хочу обратиться через Вашу редакцию ко всем тем, кто мог этот остров в тот момент видеть. Возможно, к Вам уже поступали какие-то сообщения от свидетелей этого необычного «видения». Я буду благодарен Вам за любую информацию и какое-нибудь разъяснение. Возможно, Вам будет интересно провести исследование этого явления.

В заключение своего письма хочу сказать следующее. Прошло уже два дня после возвращения с Эль Йерро, а я не перестаю думать о нём. Не знаю, то ли это место, где я бы хотел жить постоянно, но остров, несомненно, идеален для того, чтобы удалиться от жизни, скажем, на год, забросить всё, сделать в жизни паузу и скрыться от мира. Поразмышлять, обдумать жизнь, написать книгу. Это самый настоящий канарский Тибет! Я хочу туда ещё. И главное, я хочу увезти туда всех своих друзей, чтобы они сами прикоснулись к этому чуду. А там может, скинемся и купим на Эль Йерро домик с видом на бесконечность».

Ещё не дочитав письмо до конца, на своём мобильном Кармен Наварро не глядя набирала привычный девятизначный номер.

Глава 11

Вечером следующего дня два выброшенных на берег пассажира русского самолёта возвращались к своему ночному биваку ни с чем. Они обследовали всю доступную им береговую линию, которая оказалась действительно длинной. По форме та часть острова, на которой они находились, больше всего напоминала рыбий хвост: остроконечный залив в центре и две пляжные косы, почти симметрично расходящиеся от этого залива вправо и влево. Периодически на обоих пляжах попадались разбросанные беспорядочно валуны, отполированные морскими волнами и покрытые сверху зеленым мхом, ракушками и водорослями.

Заканчивались оба пляжа скалистым утёсами, за которым берег делал резкий поворот, и начинал сужаться, образуя остроугольный мыс. За одним из мысов обнаружился очередной пляж, с двумя или тремя небольшими бухточками, а за другим вдоль берега тянулась каменная гряда, усыпанная каким-то странным колючим кустарником. Между берегами располагалась долина с тем самым быстрым пресным ручьем, рядом с которым робинзоны ночевали накануне, и который стекал сюда откуда-то с гор. Горы или, скорее, скалы, отвесными крутыми обрывами закрывали вход и выход из этой долины, не оставляя им шанса выбраться отсюда на противоположную сторону.

К обоюдному разочарованию, в этой части острова друзья не встретили ни местных жителей, ни их домов, ни протоптанных троп, ни заборов вокруг фруктовых садов, ни обёртки от чипсов, ни брошенной на берегу бутылки из-под кока-колы, ни каких бы то ни было признаков цивилизации. Ничего. Складывалось ощущение, что остров необитаем.

Самым удивительным было то, что на берегу не обнаружилось и ничего, что могло иметь связь с аварийной посадкой их «боинга». Личные вещи пассажиров, багаж, обломки отвалившихся хвоста или крыльев, видимо, ушли на океанское дно.

Единственной неожиданной находкой на берегу оказался большой деревянный крест, вкопанный в песок в самом центре «рыбьего хвоста». Крест этот находился далеко от воды, почти среди пальм на склоне того самого холма, на который Герман взбирался накануне. Крест он пропустил потому, что тот был установлен на стороне, обращенной к воде, и был виден только с океана.

По виду крест был очень старым, католическим, сделанным, как определил сведущий в этих делах Андрей, из сосны. Дерево удивительно хорошо сохранилось. Оно почернело, но от времени стало лишь прочнее и твёрже и сейчас походило скорее на камень, чем на дерево. Трещин в древесине заметно не было: по всей видимости, крест был сделан очень добротно. К огромному обтёсанному столбу, обхватить который два друга смогли только вдвоём, и то с большим трудом, сверху была приделана не менее массивная перекладина.

Крест впечатлял. Он был прост и величествен, мрачен, тяжеловесен и непоколебим, то есть именно таким, какими были распятия в средневековых инквизиторских соборах. Он вселял благоговение и уважение к людям, когда-то водрузившим его на этом райском берегу. Казалось, что это древнее распятие стоит здесь целую вечность, со времён сотворения мира. Друзья долго рассматривали крест, но никаких знаков или надписей на нём не было.

– Ни латыни, ни года, ни имени... – констатировал Герман.

– А ты и латынь понимаешь?

– Проходили в институте. Мы ж переводчики, а почти все основные европейские языки начало от латыни брали.

В Андрея найденный крест вселил оптимизм:

– Гера, зато теперь мы знаем, что мы не первые люди на этом пляже...

Однако, кроме креста, друзья не обнаружили в этой части острова ничего.

– Я что-то совсем ничего не понимаю, – сетовал вечером Андрей, устало усаживаясь на поваленное дерево и надкусывая только что сорванное с ветки яблоко: на острове они обнаружили множество съедобных фруктов, которыми и питались весь день. – Ну ладно берег не обжит, всё-таки такие скалы, естественная преграда, тоннель не стали в этих скалах делать, взрывать тут может ничего нельзя, то сё, допустим. Но такой пляж, с такой долиной! Да тут должны стоять штук тридцать яхт в каждой бухте и народ везде должен купаться! Где сейчас такие безлюдные пляжи найдешь?! Нудистам тем же раздолье! Сплошное уединение. А тут ни-ко-го!

Для убедительности Андрей потряс над ухом тремя собранными в шепотку пальцами, что часто делал сам того не замечая.

– Такой отель здесь можно построить! Закрытая территория, эксклюзив, клиентов на вертолётах привозить, как в Эмиратах! А те же фруктовые сады! Ты посмотри, какая тут папайя! Какие апельсины и яблоки! Неужели никто эти фрукты не собирает?! Мой папа бы сказал, «Собирать не надо – сами в рот падают!»! Да тут только на экспорте состояние можно сделать! Даже везти далеко не надо: на одном Тенерифе шесть миллионов туристов каждый год отдыхают, вози на соседний остров и всё... Да-а-а, загадка... – протянул он, сплюнув на землю яблочные семечки.

– Есть такой анекдот про экспорт, – невозмутимо отозвался Герман, тоже жевавший яблоко и внимательно выслушавший весь монолог. – Приезжает американец в Мексику. Видит, сидит на берегу моря у бара мексиканец с бутылкой текилы, играет на гитаре и горланит песни во всё горло. «Слушай, как бездарно ты проводишь своё время! – говорит ему американец. – Ты вообще кем работаешь, чем занимаешься?» «Утром я ловлю рыбу, а вечером сижу в этом баре с друзьями, пью текилу, а потом пою песню под гитару.» «Но почему ты не ловишь рыбу по вечерам?» – спрашивает американец. «А зачем?» – удивляется мексиканец. «Ну, как же?! Ты мог бы ловить в два раза больше рыбы! Через какое-то время ты смог бы нанять помощника и ловить в четыре раза больше рыбы! Через год у тебя было бы уже десять помощников. Ты смог бы открыть небольшой завод и делать из рыбы консервы! Ты бы стал продавать их у нас в Соединенных Штатах, а через три года построил бы большой завод и мог бы стать самым крупным производителем консервов в Мексике!» «Так, а зачем мне всё это?» – не понимает мексиканец. «Ну, как зачем? Чтобы потом спокойно приходил по вечерам в бар, ужинать с друзьями, пить текилу и петь песни под гитару, любуясь вашими прекрасными океанскими закатами!» На что мексиканец говорит: «А я и так это делаю!»

– Да, смешно, – хмыкнул Андрей. – Люблю юмор. Только вот этот мекс хоть на гитаре играет, то сё, а мы вот с тобой вообще ничего не делаем.

– У тебя есть план?

– «Есть ли у вас план, мистер Фикс?...» – процитировал известный мультяшник Андрей. – План один: перебираться через хребет. По всему выходит, что цивилизация там. Вот только как на ту сторону перебраться?

Они оба, как по команде, повернули лица в сторону отвесных скал, залитыми лучами заходящего солнца.

– Я вижу два варианта, – предложил Герман. – Первый – залезть на эти скалы. Высота у них метров сто – сто пятьдесят. Вон там слева – он показал на неглубокую выемку в горном хребте – высота даже меньше. Если и забираться где-то наверх, то только там. Я думаю, завтра нужно осмотреть эту низину, да и вообще пройти вдоль всей гряды, слева направо, посмотреть на эти скалы вблизи. Какие-то трещины, выемки всегда в камнях попадаются, так что, возможно, и более подходящее место для подъема отыщется.

– То есть, ты предлагаешь забраться на этот хребет как тот француз, человек-паук, который без страховки на небоскрёбы лазит? – усмехнулся Андрей.

– Да, француз бы этот нам явно сейчас пригодился. Ален Робер его зовут. На шестидесятиэтажный небоскрёб за час поднимается. Но он всё равно со снаряжением наверх лезет, а у нас с тобой ничего нет.

– Ну, а второй вариант у тебя какой? – Андрей закопал яблочный огрызок в песок и полез за персиком.

– А второй, Андрей, это плыть.

– Куда плыть? – уже почти дотянувшись до высокой ветки, на полпути замер здоровяк и обернувшись, уставился на Германа удивленными глазами.

– Вокруг скал.

Андрей озадаченно поднял глаза к горизонту и оглядел перегораживающую дорогу скалистую гряду, уходившую с берега далеко в океан как с правой, так и с левой стороны. Он не мог вспомнить, видел ли он когда-либо нечто похожее в своей жизни. Вид у скал, отвесно подымавшихся вверх прямо из моря, был каким-то доисторическим, и потому они казались абсолютно неприступными. В океане скалы обрывались не меньше, чем через три километра.

– Очень свеженький, нестандартненький ход мыслей! И на чём ты собираешься вокруг них плыть? Тут расстояние – ой-ёй, и волна смотри какая об эти скалы бьётся!

– Сегодня утром думал, что вплавь, но сейчас думаю, что устанем быстро, надо строить плот. Брёвен поваленных здесь в роще много, надо их просто друг с другом чем-то связать.

– Лиан здесь я не видел...

– Лиан нет, это точно. Поэтому завтра пойдём вдоль скал. Во-первых, выемки в стенах поищем, а во-вторых, может, лианам какую-нибудь альтернативу найдём.

– О'кей, – отозвался Андрей. – В общем-то, выбирать, в любом случае, не приходится.

Этот план его устаивал. Сегодня у него самого в голове мелькнула мысль попробовать обогнуть эти скалы по морю, но он не поверил в её серьёзность. Сейчас, подумав над предложением Германа ещё раз, он приходил к выводу, что других способов перебраться на другую сторону острова у них действительно нет.

Андрей вернулся к бревну с горстью персиков и устроился на своём месте. Персики здесь были интересные: мелкие, не круглые, а какие-то плоские и красные. Раньше ни он, ни Герман таких не видели. Но вкус у них был потрясающий. И именно персиковый.

– Темнеет, – сказал Герман. Он уже поужинал фруктами и пил из ручья воду. – Красиво здесь на закате. Такие бы фотографии получались!

– Да ладно, Гера, не расстраивайся, даст Бог ещё пофотографируешь. Слушай, а я вот о чем думаю, – он усмехнулся. – Хорошо, что огонь нам здесь не нужно добывать! А то были бы как тот Робинзон, терли бы полдня палку о палку, или кремнем стучали, искру высекая.

– Это точно, – улыбнулся Герман. Ему понравилось это сравнение с Робинзоном. – У меня повесть о Робинзоне Крузо в детстве любимой книжкой была. Мне её мама читала. Ночью, перед сном. Устроюсь рядом с ней, под одеялом, чтобы не страшно было, и слушаю про следы на песке и про Пятницу. Сердце замирало. Представлял себе, а как бы я себя повёл, если бы на необитаемом острове оказался.

– Ну что ж, поздравляю, у тебя появилась возможность это продемонстрировать, – расхохотался Андрей. – Чем тебе не необитаемый остров? Людей нет, домов нет, ты, я, да ещё крест.

– Типун тебе на язык, Андрей, – обиделся Герман. – И так не по себе от всех этих происшествий, не хватало ещё, чтобы на этом острове и вправду никого не оказалось!

– Ну, а кто знает? – не переставал подначивать Андрей. – Переберёмся на другую сторону, а там такая же пустыня безлюдная. Да ещё, не дай Бог, ни пресной воды, ни фруктов не будет. Друг друга станем есть через неделю.

– Вот у тебя фантазия!

– Да шучу я, шучу.

– И про крест лучше не вспоминай, – посерьёзnel Герман. – Какой-то он жуткий, этот крест, особенно, когда сейчас о нём думаешь, ночью в темноте. Ведь кто-то же его здесь поставил! Может, сидит сейчас вон там, на дереве и смотрит на нас.

– Вряд ли, Гера. Мне кажется, тот, кто его здесь поставил, давно уже перешел в мир иной. Этому кресту может быть лет триста-четырееста, если не больше. Европейцы-католики на Канары приплыли в начале четырнадцатого века, вот тогда, в каком-нибудь тыща триста ... надцатом году его и могли тут водрузить.

Сгущающаяся темнота тем временем размазывала очертания деревьев, превращая фруктовую рощу в темную непроглядную чашу. На небе одна за другой зажигались звёзды, из-за прозрачного облака выплыла Луна, рассеяв, наконец, мрак.

– Млечный путь как хорошо сегодня виден, – сказал Андрей, но тут же умолк. Он стал с недоумением рассматривать звёзды. Большую Медведицу, Млечный путь, Луну. Затем те же светила в обратном порядке, и снова вперед. Выражение недоумения сменилось изумлением, секундной радостью открытия и снова тревогой. Андрей воззрился на песок, где вчера ночью рисовал карту звёздного неба и вздрогнул.

– Ты чего, Андрей? – спросил наблюдавший за его мимикой Герман.

– Гера, не хочу тебя расстраивать на ночь плохими новостями, – он перевёл взгляд на уютно устроившегося под деревом товарища и сглотнул, будто слова давались ему с трудом.

– Что там? – отозвался Герман.

– Мне кажется, что...

– Что?

– Что наш остров ... движется.

– Остров движется? – Герман привстал на локтях со своего места и удивлённо воззрился на товарища. – Это с чего ты взял?

– Взгляни на небо.

Герман поднял голову к звёздам и внимательно их рассмотрел.

– А теперь посмотри на карту, которую я вчера нарисовал.

– Всё так же, как на небе.

– Звёзды те же, но посмотри, как они расположены! Звёзды на карте сейчас почти перпендикулярно звёздам на небе!

– Да, так и есть, почти под прямым углом. Но что с того?

– А вчера они были параллельны!!!

Герман не мог в это поверить.

– Ты уверен?

– Да точно! Я вчера специально так всё срисовывал, чтобы на карте и в небе положение звёзд совпадало. Млечный путь шел вдоль ручья. Я ещё подумал, что Млечный путь – тот же ручей, только космический. Романтик, ё-моё... И на песке я его нарисовал параллельно ручью. А сейчас Млечный путь поперёк ручья идёт! И если я его сейчас нарисую, – он пальцем провел размашистую черту на своей песочной карте, – то у меня крест получится!

Его округлившиеся глаза оторвались от песчаной карты и смотрели на Германа.

– Вот и мне сегодня странным показалось... – начал Герман.

– Что?

– Солнце восходит на востоке... и сегодня оно вошло как раз над тем пляжем, на который меня выбросило, сразу за холмом, у которого мы с тобой крест нашли. А село сегодня солнце помнишь где?

– Да, здесь справа... Чертовщина какая-то...

– Вот именно, – подтвердил Герман. В этой фруктовой роще у искрящегося ручья, в сгущающихся ночных сумерках стало неудобно. – Зашло солнце не за скалами, как должно

было бы, а вон за тем берегом, где камни и мох. Пока на закат смотрел, думаю, что-то меня смущает, но что именно так и не понял, а вот теперь ясно стало...

Он помолчал. Минуту подумав, снова посмотрел на Андрея и спросил:

– У тебя есть всему этому объяснение?

– Одно из двух... – подумав мгновение, ответил Андрей. – Либо этот остров куда-то плывёт...

– Так. Либо?

– Либо это *не* остров!

– Не остров? А что же это тогда такое?

– А вот об этом не спрашивай... – Андрей замолчал.

– Одно из двух говоришь. А у меня есть ещё два варианта.

– Выкладывай.

– Во-первых. То, что вставало и садилось – это не солнце...

– Что?! – такого хода мыслей у друга Андрей не ожидал.

– А почему нет? Смотрел фильм с Джимом Керри, где вся жизнь у человека – это телесериал? Там всё вокруг – бутафория и декорации, его снимают из каждого отверстия и даже небо над его головой – это купол киностудии.

– Вот тебя прёт, Гера, – Андрей стал внимательно изучать у друга глаза. – Эти местные персики мне как-то сразу подозрительными показались.

Герман рассмеялся. С юмором у Андрея было всё в порядке.

– А вот это как раз моя вторая версия: у нас с тобой групповые галлюцинации.

Взгляд у Андрея стал озадаченным. Такого хода событий исключать было нельзя:

– Мы что с тобой ели сегодня?

– Фрукты ели. Папайю, инжир, плоские персики эти неизвестные и яблоки.

– А я на холме ещё апельсины.

– Да, из ручья воду пили!

– Теоретически, пить воду из ручья – это неправильно, но расстройств нет, да и на вкус вода хорошая. Судя по всему, в меню не было ничего галлюциногенного, – подвёл итог Андрей.

– А может, нам головы напекло?

– А что, могло, – обрадовался Андрей. От этой ещё более вероятной возможности на душе у обоих стало легче. Критически мыслящий мозг человека так устроен, что ему легче принять правдоподобную, поддающуюся объяснению, но маловероятную реальность, чем логически объяснимый, но абсолютно невозможный вымысел. По крайней мере, в остальные версии ни Герман, ни Андрей поверить всерьёз не желали принципиально.

– Есть только один способ всё проверить, – сказал, наконец, Герман. – Сейчас ложимся спать. Завтра днем, во-первых, ничего не едим, только пьём, во-вторых, делаем себе шляпы из листьев, и, в-третьих, смотрим, где восходит и заходит солнце.

– Толково, – поддержал Андрей. – Давай так и сделаем.

– Твой папа что-нибудь говорил по этому поводу?

– Ну, а как же! Он говорил: «Сначала проверь, затем перепроверь, а потом перепроверь!»

– Мудрый у тебя папа! – засмеялся Герман.

– Ты что! Вернёмся домой – познакомлю. А пока – спокойной ночи.

С этими словами они решительно улеглись на песок и, выкинув из головы ненужные отвлекающие мысли, быстро, без сновидений заснули.

Выспаться в эту ночь им, однако, не удалось.

Глава 12

Осборн аккуратно поставил тяжелую сумку на плиточный пол и вышел на балкон. Перед ним простирался город Лос Гигантес – небольшой канарский городок, который многие считали жемчужиной Тенерифе. Он располагался на склоне крутой горы, ступенями спускаясь к океану, и заканчивался массивным прямоугольником спортивного порта, выдававшимся далеко в океан. Справа от порта темнел небольшой пляж с черным вулканическим песком, а за ним начинались знаменитые скалы-гиганты, в честь которых город и был назван Лос Гигантесом.

Рождаясь где-то глубоко под водой, скалы пятью гигантскими глыбами подымались на высоту семисот метров, и нависали над крошечными городскими строениями подобно небо-скрёбам в какой-нибудь процветающей азиатской столице. Обращенные к океану утёсы были будто срезаны неким невообразимых размеров ножом с филигранностью заправского повара: настолько аккуратны и вертикальны были их отвесные обрывы. Скалы тянулись на несколько километров на северо-запад и заканчивались плоской полоской суши на мысе Тено – самой западной точкой Тенерифе, единственным строением на которой был большой атлантический маяк.

Этот уютный курортный городок Осборну нравился. Лос Гигантес и вправду был одним из самых красивых городов на Тенерифе. Двух–трёхэтажные домики террасами спускались к морю, перемежаясь кляксами неправильной формы бассейнов. Уже стемнело, и бассейны мерцали мягким голубым светом, превращаясь среди множества огней и неоновых вывесок в перламутровые ожерелья.

Осборн жил практически над городом, на самой верхней улице, в незаметной квартире, которую снимал у пожилого громогласного канарца. Квартира была скромная. В силу канарской традиции, которая Осборна ужасно раздражала, гостиная была обставлена безвкусной и неудобной деревянной мебелью цвета необработанных досок. Через барную стойку она совмещалась с американской кухней, отделанной допотопным выцветшим кафелем. Позади кухни располагалась крошечная ванная в депрессивных коричневых тонах и лестница, ведущая на второй этаж, где помещалась душная тесная спальня. Жил Осборн здесь уже полгода и каждый раз, выходя из своей квартиры, мечтал никогда туда больше не возвращаться.

Этой ночью океан штормило, и даже на таком расстоянии от берега до Осборна доносился шум атлантического прибоя, перестук камней, встревоженных сильными в этих местах подводными течениями, и гулкие удары волн об отвесные утёсы Лос Гигантес. Луна скрылась за густыми черными тучами, и дальше полоски огней порта ничего уже было не разглядеть: океан сливался со скалами и небом.

«Идеальная погода для высадки», – подумал Осборн.

Было без минуты полночь.

Ровно в двенадцать на рыбной ферме, хорошо видимой из его квартиры, четыре раза мигнул зеленый маячок, означавший готовность «оборудования» и служивший сигналом в случае непредвиденных ситуаций, которых до сих пор на этой «базе» не случалось. Увидеть этот зеленый маячок мог только очень внимательный зритель: каждые пять секунд на ферме мигали отвлекающие желтые фонари, долго следить за которыми не хватило бы терпения никому.

Осборн ещё раз полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух и вернулся в комнату. Увидев своё отражение в зеркале, он провёл ладонью по чисто выбритому подбородку. Ростом Осборн был около двух метров, поэтому зеркало в своё время пришлось перевесить, чтобы не наклоняться к нему всякий раз, когда нужно было в него заглянуть. Из растительности на его бритой голове были только густые брови, придававшие его лицу хмурый и всегда сердитый вид. Широкий, расплющенный в боксерском поединке нос, глубоко посаженные голубые глаза, большой беззубый рот, веснушчатое лицо, заметная татуировка под правым ухом с

японским иероглифом «ки-по», то есть «сила духа», делали его внешность запоминающейся с первого взгляда, что совсем не подходило для его теперешней работы. Его босс О'Брайен, прекрасно это понимая, давно перестал отправлять его на задания с «непосредственным контактом с общественностью», как он выражался, оставляя Осборну исключительно подготовку и контроль над операциями, где личные контакты не предполагались.

Осборн окинул взглядом квартиру, ещё раз мысленно перепроверив, всё ли он взял с собой, подхватил сумку и вышел из квартиры. Его «бмв» стоял у ворот и в ночи был похож на серебристую акулу. Осборн всегда ездил только на пятой модели и последней баварской пятеркой был доволен как никогда. Бросив сумку на заднее сиденье, он завёл двигатель и бесшумно двинулся в порт по улицам спящего городка.

В Лос Гигантесе люди ложились спать рано. В городе жила состоятельная пожилая британская публика, искавшая спокойствие и покой. В одиннадцать в ресторанах закрывалась кухня, а к часу – последние английские пабы и караоке бары. На улицах становилось безлюдно и тихо, как сейчас. По обеим сторонам узких улочек были припаркованы машины, и Осборну приходилось постоянно притормаживать, чтобы не задеть зеркалами стоящие машины. Узкие канарские улицы были неприспособлены для такого количества автомобилей, но, как оказалось, привыкнуть к езде по этим улочкам было делом недолгим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.